
Алексей Айдас
Путь воды
Мастер Пути

Алексей Айдас

Путь воды

«Автор»
2026

Айдас А.

Путь воды / А. Айдас — «Автор», 2026

На старых картах через город течёт река. Сегодня на её месте — улицы и дома. Но следы воды ещё можно найти, если знать, где искать.Что, если пойти по этому следу? Карта подскажет, где был берег. А куда приведёт дорога, узнаешь, только если по ней пойдёшь.

© Айдас А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 28
Глава 4 41
Глава 5 55
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Алексей Айдас
Путь воды

Алексей Айдас
Путь воды
Серия «Мастер Пути»

Глава 1

Марк проснулся за несколько минут до будильника. Лежал, глядя в потолок, и слушал, как просыпается квартира. За стеной скрипнула труба. Чуть погодя кто-то в коридоре щёлкнул выключателем.

За окном серело. Листья на тёмных ветках только начинали желтеть по краям.

Комната была небольшая. Узкая кровать у стены, стол с книгами, распечатками и картами, шкаф с дверцей, которую приходилось закрывать плечом, настольная лампа с пожелтевшим абажуром. На углу стола, между стопкой атласов и коробкой со старыми карандашами, лежал свёрнутый лист с промерами русел. За ночь он развернулся, и край почти касался пола.

Марк сел на кровати, спустил ноги на пол. Попробовал привстать, перенося вес на здоровую ногу. Колено привычно заныло. Он переждал несколько секунд и поднялся.

На подоконнике стояла забытая с вечера кружка. Марк заглянул в неё. Высохший чай оставил на дне неровный ободок, похожий на береговую линию. Вот тут вода задержалась подольше — целый залив вышел. А вон там тянулся к краю тоненький проток. Марк усмехнулся.

Марк работал над диссертацией по исторической картографии. Уже несколько месяцев он занимался исчезнувшими реками, засыпанными каналами, старыми береговыми линиями. Теперь на их месте лежали проспекты и дворы, стояли торговые центры. Стоило, однако, развернуть карту, и Марк замечал то перепад высот, то странный просвет между кварталами, то улицу, которая слишком уж точно повторяла изгиб засыпанного русла. Ему нравилась мысль, что город продолжает помнить воду под асфальтом. Для диссертации приходилось искать другие слова.

Будильник всё-таки зазвонил. Марк выключил его, вернул кружку на подоконник и подошёл к столу. Поверх бумаг лежала распечатка главы с пометками Лебедева. Красные линии, вопросы на полях. В одном месте профессор подчеркнул целый абзац и написал рядом: «Связь не доказана». Марк провёл пальцем по этим словам.

Дни у него мало отличались один от другого. Кафедра, архив, библиотека, коммунальная квартира. По утрам он обычно ехал на троллейбусе, садился у окна, доставал из сумки распечатки и пытался вычитать хотя бы страницу до нужной остановки. Днём занимался картами, списками, таблицами и чужими замечаниями на полях. Вечером возвращался домой, пил чай. Иногда работал до поздней ночи, иногда просто сидел за столом и слушал, что делается в доме.

Он надел рубашку, достал из шкафа тёмный свитер, несколько секунд искал носок, оказавшийся под кроватью, и только потом заметил, что всё это время прислушивается к кухне.

Там уже звякала посуда.

Тётя Валя сидела у кухонного окна в старом вязаном жилете и резала хлеб к завтраку — ровно, неторопливо, придерживая буханку сухой маленькой ладонью. Еле слышно шипело радио на подоконнике. В мутной банке стояли две ветки с зелёными листьями, уже тронутыми желтизной. Пахло свежей заваркой, тёплым хлебом и лекарственной мазью.

— Встал? — спросила она, не оборачиваясь. — Садись. Хоть чаю выпьешь.

— Опаздываю.

— Ты всегда опаздываешь, когда завтракать не хочешь.

Марк отодвинул ногой стул. Тётя Валя покосилась на его колено.

— Чайник опять шумит не по-человечески, — сказала она. — Чистить, что ли, пора? По телевизору показывали: налить чего-то, прокипятить… Я хотела записать, да отвлеклась.

У сестры надо спросить. Только та сразу скажет: выброси да новый купи. Легко сказать… Ты послушай, как он шумит.

— Слышу.

— Вот. А ты говоришь, я придираюсь.

Марк сел. Тётя Валя пододвинула ему чашку, поставила сахарницу справа, где ему было удобнее.

В квартире жили ещё двое. Мужчина за стеной уходил рано и возвращался поздно, а женщина из дальней комнаты почти не появлялась на кухне. Марк знал их по именам, здоровался при встрече, и на этом всё. С тётей Валей было иначе. Она помнила его мальчишкой с разбитыми коленками, помнила мать на лестнице, помнила отца ещё до того, как его бумаги начали занимать в комнате больше места, чем все остальные вещи.

— Я тебе сырников оставила, — сказала она. — В холодильнике. Не забудь.

— Спасибо, тёть Валь.

— Спасибо потом скажешь. Когда съешь.

— Я вечером, может, задержусь.

— А они до вечера полежат. Ничего с твоими сырниками не сделается.

Марк взял чашку. Чай был горячий, крепкий, терпкий. Он сделал несколько глотков, больше из уважения к тёте Вале, чем от желания пить.

— В институт? — спросила она.

— Угу. Сразу на кафедру. В архив, слава богу, сегодня не надо.

— Опять свои речки искать?

— Они не мои.

— А кто же с ними столько возится? Значит, твои.

Тётя Валя пододвинула к нему маленький бутерброд.

— Возьми.

— Я же сказал, опаздываю.

— Так он же готовый, ждать не надо.

Марк посмотрел на часы.

— Половину.

Он взял хлеб, откусил и почти сразу понял, что голоден. Тётя Валя ничего не сказала. Только налила себе чаю и села напротив, боком к окну.

— Сегодня сухо, — сказала она. — Но к вечеру подует. Шарф возьми.

— Не продует.

— Ты это ветру скажи. Шарф вон, на стуле.

В коридоре щёлкнул замок. За стеной коротко кашлянули.

Марк доел половину бутерброда, поставил чашку в раковину и взял сумку.

— Сырники не забудь, — сказала тётя Валя.

— Не забуду.

— Забудешь.

— Тогда ты же и напомнишь.

— Конечно, напомню. Кто-то же должен следить, чтобы наука не умерла с голоду.

Марк уже вышел в коридор, когда заметил на спинке стула шарф. Снял его, набросил на руку.

— Вот и ладно, — донеслось из кухни.

— Просто не хочу слушать вечером лекцию.

* * *

На улице было пасмурно, но сухо.

У подъезда пахло влажным камнем. Дворник у соседнего дома сгребал листья к бордюру короткими, сердитыми движениями. Несколько штук застряли в трещинах асфальта.

Марк накинул шарф и пошёл к остановке.

Колено после лестницы тянуло, но терпимо. Марк заранее знал, что будет дальше. Остановка, троллейбус, запотевшее стекло, чужие плечи. Через двадцать минут — кафедра, Лебедев, пометки на полях. И почему-то сегодня эта точность раздражала.

Люди на остановке молча смотрели в сторону поворота. Школьник в расстёгнутой куртке, не вынимая руки из рукава, сонно потёр нос.

Марк встал у края тротуара. А что, если пройтись?

До кафедры можно было дойти пешком. Через старый квартал, мимо площади, потом свернуть к проспекту и подняться вдоль каменной ограды. Если не задерживаться, выйдет почти столько же, сколько на троллейбусе.

Он отступил от края. В ту же минуту из-за угла вывернул троллейбус, зелёный, с чистыми стёклами. С шипением открылись двери. Марк посторонился, пропуская людей.

Двери закрылись, троллейбус качнулся и пошёл дальше по улице. Марк свернул в старый квартал.

Проспект остался за спиной. Впереди начинались узкие улицы, дома с облупленной лепниной, арки во дворы, низкие окна первых этажей. Петербург в таких местах не шёл по линейке. Переулок мог огибать прежнюю канаву, петлять вдоль старых участков, спускаться туда, где когда-то был овраг. На современных картах от всего этого оставалась только сама улица.

У булочной он невольно замедлил шаг. Переулок делал здесь странный крюк. У самого поворота мостовая шла под уклон, а на цоколе дома темнела сырость.

У небольшой площади он машинально прикинул, куда на старом плане уходила отсюда улица, и усмехнулся. Лебедев сказал бы: совпадение линий ещё не доказательство.

Витрины только начинали загораться. У кофейни двое студентов спорили над телефоном. Дети с ранцами тянули родителей к переходу. Под низким серым небом даже освещённые витрины казались тусклыми.

У перекрёстка Марк замедлил шаг.

Сперва притихли студенты у кофейни. Марк проследил за их взглядом. По площади шла женщина в красном. Из-под лёгкого тёмного жакета при каждом шаге выплывала складка шёлка и снова ложилась по фигуре. В серое петербургское утро цвет казался почти невероятным — таким красным бывает только что раскрывшийся мак.

Дети, которых вели в школу, оборачивались ей вслед. Пожилая женщина в сером платке поджала губы и отвернулась к витрине, где ещё ничего не было видно, кроме собственного отражения.

Незнакомка подошла ближе. Слабый осенний луч лёг ей на висок и скулу, под глазами дрогнули тени от ресниц.

Глаза у неё были тёмные, с густым влажным блеском. Она посмотрела прямо на него.

Брови чуть сдвинуты у переносицы, будто она к чему-то прислушивается. Губы тёмно-гранатовые. В уголке рта мелькнуло что-то похожее на улыбку.

У виска выбилась прядь и при ходьбе касалась щеки.

Марк спохватился: сколько же можно так в упор смотреть на человека?

Они поравнялись у дома с облупленной лепниной. Незнакомка встретила его взгляд без тени удивления, словно знала, что именно здесь он ей и попадётся. Марку стало неуютно.

Он открыл рот, собираясь извиниться, и дал ей пройти. Уже посторонившись, заметил, что места хватило бы и без того.

Красный шёлк ещё мелькал между серыми пальто и школьными ранцами. Марк следил, как она подходит к углу. Вот сейчас свернёт, и всё.

Но у поворота она замедлила шаг и оглянулась.

На этот раз Марку почудилось, будто она нарочно поймала его взгляд, проверяя: увидел?

Марк сделал шаг вперёд.

Между ними прошла женщина с зонтом под мышкой, за ней — курьер с коробкой. У кофейни кто-то громко засмеялся. Когда Марк снова увидел угол, красного там уже не было.

За поворотом оказались закрытая калитка, вывеска мастерской и тёмный след под водосточной трубой. Марк всмотрелся в лица прохожих. Женщины в красном среди них не было.

Марк ещё немного постоял на углу. Теперь только не хватало, чтобы кто-нибудь спросил, кого он здесь так высматривает. Он пошёл дальше.

Он всё-таки немного опоздал.

* * *

День прошёл за бумагами. Отыскав в библиотеке нужный атлас, Марк вернулся к себе за стол.

На столе лежали копии старых планов Большой Невы, Мойки, протоки у Адмиралтейской стороны. Марк нашёл знакомую низину. Один составитель пометил её как болото, другой указал, что вода стоит там лишь часть года. Третий вовсе её пропустил. Он проверил длину участка по масштабу и опять получил цифру, отличную от указанной в описании.

И всё-таки в тех местах, где линии совпадали особенно удачно, ему меньше всего хотелось что-либо перепроверять.

К концу рабочего дня заглянула секретарь Лебедева.

— Марк Андреевич, профессор просит зайти.

— Сейчас?

— Он сказал: как только сможете.

Это означало — сейчас.

Марк собрал листы, взял блокнот и поднялся.

Дверь была открыта. Лебедев сидел за своим заваленным бумагами столом и читал распечатку. Марк ещё от двери различил красные пометки на полях.

— Проходите, Марк. Садитесь.

Марк сел на край стула и достал ручку.

Лебедев сделал ещё одну пометку на полях и снял очки.

— У вас опять сбита терминология.

— Где именно?

— В нескольких местах. Но это мелочь. Терминологию можно выправить. Хуже другое.

Марк открыл блокнот.

— Вы пишете, что современные кварталы повторяют старые русла. Чем докажете? — Лебедев приподнял распечатку. — Карты хорошие, источники вы подобрали. А где связь?

— Расхождение по масштабу я пересчитаю.

— Пересчитайте. И укажите, по какой копии считали. Сейчас у вас появляется третья величина, которой в источниках нет. Для читателя она взята из воздуха.

Марк записал.

Лебедев постучал пальцем по листу.

— Дальше. Мойка, Кривуша, низины у старого посада. Вы слишком быстро соединяете разновременные состояния в одну линию. Низина, сезонная вода, протока и постоянное русло — не одно и то же.

— Я ведь нигде прямо не пишу, что это одно русло.

— Прямо — нет. А читаешь и думаешь, что вы нашли его в источнике. Хотя соединили линии вы сами.

— Третий подраздел переписать?

— Переписать. Вторую таблицу — в приложение. Ссылочный аппарат привести в порядок. Краеведческие материалы оставить в примечаниях, не в доказательной части. И вот это убрать.

Лебедев повернул лист и показал подчёркнутую строку.

Марк прочитал собственную фразу: «город дышит водой».

— Красиво, — сказал Лебедев. — На защите вас первым делом и спросят, что это значит.

— Это рабочая формулировка.

— Вот для эссе и оставьте. А здесь мне нужно понять, какие следы русла сохранились. И почему вы уверены, что это следы именно этого русла.

Ещё вчера Марку нравилась эта строка. Сейчас он жалел, что оставил её в тексте.

Лебедев вернул лист в папку.

— Не берите линию за доказательство только потому, что она красиво легла.

Марк записал эту фразу дословно. Профессор заметил.

— Это не для цитирования.

— Для себя.

— Тем не менее.

Несколько секунд они молчали. За окном качались почти голые ветки, между ними виднелась стена соседнего корпуса. В кабинете пахло бумагой, пылью и немного табаком, хотя Лебедев, кажется, уже давно не курил.

— Марк, у вас хорошая гипотеза, — сказал он тише. — Вы только её жалеете. А ей бы сейчас проверку построже.

— Понял.

— Вот пересчитаете, тогда и поговорим.

— Срок?

— Первичный список правок — завтра. Пересчёт по спорным участкам — к концу недели. И начните с тех мест, где вам особенно нравится совпадение.

— Почему?

— В остальных вы и без меня сомневались.

Марк закрыл блокнот.

— Хорошо.

Он поднялся, взял папку и уже у двери услышал:

— Марк.

Он обернулся.

— Ваш отец за такие места разносил жёстче, — сказал Лебедев.

Марк задержал руку на дверной ручке.

— И всегда по делу?

— Почти всегда.

Он кивнул и вышел.

В коридоре пахло хлоркой. За стеной ещё спорили двое аспирантов, хотя уборка уже началась.

Марк остановился у окна, открыл блокнот и ещё раз посмотрел на фразу:

«Не берите линию за доказательство только потому, что она красиво легла».

Вспомнился красный шёлк на фоне серых пальто. Марк захлопнул блокнот и вернулся к работе.

Домой Марк возвращался на троллейбусе — сил идти пешком не осталось. Он сидел у окна, прислонившись виском к стеклу, и смотрел, как над проспектом зажигаются фонари, пока ещё бледные в сумерках. В стекле едва различались тёмные отражения пассажиров.

Дома тётя Валя его не встретила. Под её дверью было темно, радио молчало. Ушла к сестре, может быть. Или уже легла.

Одна лампочка в коридоре перегорела. В полутьме пальто на вешалке напоминали согнувшиеся спины.

Марк снял обувь, повесил куртку и прошёл к себе.

Он задержался посреди комнаты. Работать не хотелось, до сна было далеко. Даже за сырниками идти казалось хлопотно.

Такие тихие вечера Марк переносил хуже дурных известий. Получив приказ или узнав диагноз, он по крайней мере понимал, с чего начать. А тут делать было совершенно нечего.

И начинало вспоминаться. Сначала какая-нибудь мелочь — тяжесть мокрой ткани на плечах, запах холодного металла. Стоит за неё зацепиться, и уже не уснёшь.

Где он ошибся? Можно ведь было раньше заметить. Не подписать ту бумагу, не уехать. Или дело вообще началось задолго до отъезда?

Его учили оценивать обстановку, прикидывать потери и только потом принимать решение. Теперь-то он мог перечислить все свои потери до одной. Знать бы ещё, в какую минуту их можно было предотвратить.

Оставалось как-то жить дальше. Звучало это до смешного торжественно, но другого он не придумал.

Психолог говорил о прощении.

Уверял, что от этого полегчает и прошлое наконец оставит его в покое.

Марк тогда кивал.

Он умел кивать, когда от него ждали разумного ответа. А про себя думал: скажу, что простил, — кому от этого станет легче? Или мне просто приятно воображать себя великодушным?

Однажды он полез в Книгу — скорее от раздражения, чем от благочестия. Хотел проверить, откуда взялась уверенность, что простить нужно непременно и сразу, будто по расписанию. И застрял на строках у Луки. Согрешившего следовало обличить. Простить — если покается. В этом «если» Марк и увяз. А если человек не раскаялся? Что тогда делать ему, Марку?

Можно, конечно, сказать: «Я простил». Психолог, пожалуй, порадовался бы за него. А самому Марку было бы стыдно. С чего он взял, что сдал свою позицию из милости, а не потому, что устал её держать?

Обычно в такие вечера его накрывало то тоской, то сухой, удушливой яростью. Он ходил из угла в угол, пока не начинало ныть колено и волей-неволей приходилось сесть.

Ему было о чём думать: карьера рухнула, за предательством и разводом осталась пустая квартира, пришлось вернуться сюда. Но стоило прикрыть глаза, и на петербургской площади опять появлялась женщина в красном.

Марк сел на край кровати. Из коридора падала узкая полоса света. Он попробовал вспомнить, когда она впервые на него посмотрела.

Наконец он зажёг настольную лампу и включил чайник.

«Хватит. Выпью чаю — и спать».

На полке над столом стояли подписанные от руки жестянки с китайским красным чаем. Пожалуй, только на него Марк денег не жалел. Пока закипала вода, он выбирал банку и вдыхал запах из-под крышки.

Он взял любимую кружку, тяжёлую, глиняную, с сеточкой мелких трещин на глазури. Насыпал туго скрученные листья. Под струёй кипятка они тихо зашуршали.

Листья раскрылись и пошли ко дну. Вода стала янтарной, потом густо-красной. На поверхности выступили маслянистые полоски, заметные, только если на них падал свет.

Марк обхватил кружку ладонями и поднёс к лицу. Пар пах сухими фруктами и немного дымом. За окном чернел двор-колодец. На занавесках в доме напротив вспыхивал голубой свет телевизора.

Он слегка наклонил кружку. В глубине, где настой казался почти чёрным, проступило его собственное лицо. Под глазами легли тени, на скулах темнела щетина.

Свет падал под углом и дробился в тонких трещинках глазури. Марк чуть повернул кружку. Отражение дрогнуло. Потом губы в тёмной воде медленно растянулись в улыбке.

Собственные губы он стиснул так крепко, что чувствовал зубами кожу. Лицо в чашке всё улыбалось. Казалось, там терпеливо ждут, когда он ответит.

Марк перестал дышать. Отражение подняло руку. Его собственные пальцы по-прежнему мёртвой хваткой сжимали кружку, но там, внизу, ладонь разжалась и медленно поманила его к себе.

За окном что-то звонко стукнуло, будто с большой высоты упала на жесть отлива капля.

Марк дёрнулся, расплескав чай на стол. Горячая капля попала на кожу между большим и указательным пальцем и обожгла. Он моргнул, ещё раз, выдохнул и снова заглянул в кружку.

Над чаем поднимался пар. На тёмной поверхности дрожал круг лампового света.

Марк поставил кружку на стол так осторожно, будто боялся её разбудить. В висках шумело. Он вытер ладонь о брюки и увидел мокрое пятно среди распечаток. Чай растекался по карте старого русла. Тонкая чернильная линия берега уже начала расплываться.

— Переутомление, — сказал он и сам услышал, как слабо прозвучал голос. Марк отдёрнул штору. Внизу серел сухой асфальт. Он осмотрел отлив — ни капли.

Он задёрнул штору. После стольких ночей над картами и не такое примерещится.

Марк вернулся к столу. Чай успокоился. Он отнёс кружку к раковине и вылил чай, стараясь не смотреть, как он закручивается в сливе. Потом долго держал кружку под струёй воды, пока глина не остыла.

Спать он лёг поздно, свет выключил не сразу и, уже почти проваливаясь в сон, сказал себе, что утром всё это покажется смешным.

Глава 2

Будильник прозвенел в семь. Обычно Марк просыпался раньше, выключал его и ещё несколько минут лежал в тишине, прикидывая, что предстоит сделать за день. Сегодня мелодия успела проиграть до конца.

Он сел и посмотрел на окно. За ним серели знакомые крыши. Вчера у него перед глазами всё плыло от усталости. Надо же было так себя накрутить.

В ванной он достал бритву, но сперва несколько секунд смотрел в зеркало. Потом намылил щёки и побрился.

На кухне пахло кофе и сырниками. Тётя Валя в старом халате и тёплых носках стояла у плиты с лопаткой в руке. Радио на подоконнике едва слышно бормотало. Рядом всё так же стояла банка с двумя ветками.

— Встал всё-таки, — сказала она, не оборачиваясь. — Я уж думала, сегодня будильник тебя не победит.

— Победил.

— Поздно лёг?

— Поздновато.

— Эх, Марк. Ты будто ночным сторожем нанялся.

Марк сел у окна.

— Работа.

— Ну да. Всю ночь просидишь, а утром на всех сердишься. — Она поставила перед ним толстую чашку. — Я тебе кофе налила. Или сам себе чаю сделаешь?

— Кофе, — поспешил он ответить. Она на секунду задержала руку на чашке. Потом придвинула её поближе и вернулась к сковороде.

— Некрепкий. Всё-таки натощак.

— Мне всё можно.

— Конечно. Особенно если потом таблетки искать по всем карманам.

Марк отпил, глядя на тётю Валю поверх чашки. Горьковатый кофе обжёг язык, но попросить чаю ему и в голову не пришло.

Тётя Валя переложила два сырника на тарелку и поставила перед ним.

— Ешь.

— Тёть Валь, я не голоден.

— Так ты один съешь. А второй оставишь, если совесть позволит.

— Ну, с совестью-то я договорюсь.

Тётя Валя пододвинула ему вилку. Марк разломил сырник. Из-под корочки пахнуло творогом и ванилью.

Она налила себе чаю, села напротив и немного помолчала. Марк насторожился не сразу, но всё-таки поднял глаза.

— Что?

— Ничего, — сказала тётя Валя слишком невинно. — Просто думаю.

— Это обычно плохо заканчивается.

— Это смотря кто думает. Я вот думаю, давно ли ты у себя в квартире был.

Марк отложил вилку.

— Был.

— «Был», — передразнила она без злости. — Это когда?

— Ну… недавно.

— Знаю я твоё «недавно». У вас в архиве год туда, год сюда — всё недавно.

— Тёть Валь.

— А что «тёть Валь»? Квартира стоит пустая. Нормальная квартира, между прочим. Не чулан какой-нибудь. А ты тут сидишь в коммуналке, как сыч на чердаке.

— Мне отсюда до работы ближе.

— Ближе, знаю. Только там краны проверить надо, счётчики посмотреть. Потом ведь с ЖЭКом будешь разбираться. Скажут: почему не следил? А сам попробуй их дождись, если кран потечёт. Да я не про то: ты хоть почту бы забрал. Или у тебя и счета сами оплачиваются?

— Я оплачиваю.

— Знаю, что оплачиваешь. Так тем более обидно. Платишь за пустые стены. Сдал бы — деньги бы приносила.

— Не хочу сдавать.

— Жить не хочешь, сдавать не хочешь. Прямо олигарх в изгнании.

— Чего это олигарх?

— А кому ещё по карману пустую квартиру держать? Подумай хоть, на что жить будешь.

Марк сделал глоток кофе и поморщился: всё ещё слишком горячий.

— Я там не могу жить.

Она умолкла. Поднесла чашку ко рту, но так и не отпила.

— Ну вот поэтому и говорю: жениться тебе надо.

Марк коротко усмехнулся.

— Женат я уже был, тёть Валь.

— И что?

— Второй раз я на эту мину наступать не хочу.

— Мину, — проворчала она. — Тоже мне сапёр нашёлся. Все люди как-то живут.

— Вот пусть люди и живут.

— А ты, значит, не человек?

— Я научный сотрудник. Это заболевание.

Тётя Валя фыркнула, но улыбку спрятала за чашкой.

— Ешь давай, заболевание. Остынет.

Марк доел сырник, хотя собирался оставить половину, допил кофе и отнёс чашку в раковину.

— Обедать будешь где? — спросила тётя Валя.

— В институте. Иногда у них и суп бывает.

— Суп бывает в столовой, если туда зайти. Я тебе бутерброд завернула. Не спорь, он маленький.

— Спасибо.

— На здоровье. Поешь хоть раз вовремя.

В комнате он собрал распечатки, проверил ключи и документы. Блокнот убрал во внешний карман сумки.

В коридоре тётя Валя уже ждала его с шарфом.

— Забыл.

— Я не забыл. Я решил не брать.

— Решение неправильное.

Она протянула шарф, и Марк взял его без возражений.

— Вечером зайди на кухню, — сказала она. — Я запеканку сделаю.

— Если не задержусь.

— Значит, не задерживайся.

Марк кивнул, накинул шарф, взял сумку и вышел.

На улице было сухо. Марк дошёл до остановки и встал у края тротуара.

Подошёл почти пустой троллейбус. Сквозь чистое стекло он увидел свободное место у окна.

Марк шагнул к двери, но в салон так и не поднялся. Когда троллейбус отъехал, он повернул к старому кварталу.

Надо же после такой ночи проветриться. Это он себе сказал ещё на остановке, а дойдя до площади, сразу посмотрел на вчерашний угол.

У дальней витрины мелькнули свободно собранные волосы. Женщина в тёмном пальто чуть замедлила шаг, и Марк остановился. Только когда она обернулась на шум машины, он разглядел чужое лицо и бумажный пакет у неё в руке.

Марк пошёл дальше, уже быстрее. До института он дошёл почти вовремя, поднялся по лестнице, поздоровался с секретарём и прошёл к своему столу у окна.

Рабочий день начался с пересчёта длин русел.

Он разложил распечатки, копии старых планов, фрагменты атласов и таблицы. Чем дольше он смотрел на цифры, тем яснее становилось, почему Лебедев не принял его вывод. На одном плане протока тянулась вдоль границы старого посада, на другом уходила севернее, на третьем на её месте значилась низина с сезонной водой. Длина участка по масштабу не совпадала с описанием. Береговая линия у старого острова смещалась настолько, что небрежностью съёмки этого было не объяснить.

План Первой крепости, старые карты Петербурга, поздняя городская съёмка составляли у него одну непрерывную историю. Покажи он каждый план в отдельности — и сразу обнаружится, сколько в этой истории осталось догадок.

В половине одиннадцатого в комнату заглянула секретарь Лебедева.

— Марк Андреевич, зайдите к профессору. Он у себя.

Марк закрыл блокнот и пошёл наверх. Лебедев стоял у книжного шкафа и переставлял старые тома. На столе лежала вчерашняя глава, рядом — таблица с пометками и две ксерокопии карт.

Марк сел, положил папку на колени и приготовил ручку.

Профессор задержался у шкафа, закрыл стеклянную дверцу и вернулся к столу.

— Вчера после вашего ухода я ещё посидел над реконструкцией. Сегодня с утра проверил ещё раз. Одним пересчётом тут не обойдёшься.

— Я начал сводить таблицу.

— Хорошо, что начали. Но сначала послушайте.

Лебедев взял первый лист.

— Вот Большая Нева. Это длина по промерам, это — по масштабу позднего плана. Получаются две разные цифры. Допустим. Но в итоге у вас в таблице третья. Я весь вечер пытался понять, откуда она. Объясните.

— Я мог пересчитать по промежуточной копии.

— Могли. Скажите только, по какой. Я её у вас нигде не нашёл.

Он отложил лист и взял следующий.

— Теперь Мойка и старые протоки Адмиралтейской стороны. Откуда мы знаем, что речь об одних и тех же протоках? У вас между двумя планами — годы. Чем заполните этот пробел?

Марк записывал. Рука двигалась ровно, но строки в блокноте становились всё плотнее.

— По Фонтанке вывод можно оставить. Осторожнее его сформулируйте, только и всего. А с Кривушей разберитесь. Весной в низине стояла вода — что это доказывает? Пока у вас из этой низины получается постоянное русло.

— Понял.

— Источники. Обзорные сборники оставьте для примечаний. Частный каталог уберите из доказательной части, пока не установите происхождение карты. Документ по Первой крепости нужно заказывать в архиве.

Вчера Марк записывал, что нужно исправить в главе. Теперь он не был уверен, останется ли от неё хоть что-нибудь, если сделать всё, что требует Лебедев.

— Марк, здесь город сколько раз перестраивали? Даже на хорошей карте можно найти совпадение, если искать достаточно долго. А вы заранее знаете, что хотите найти. Везде ищете водный путь.

Марк поднял глаза.

— Я не подгонял вывод.

— Я и не говорю, что вы его подгоняли. Но вы защищаете свою гипотезу даже там, где её ещё только предстоит проверить.

Он сказал это спокойно, почти устало. Потом открыл другую папку, достал лист с пометками и на несколько секунд задержал его в руке.

— Я знал вашего отца, — произнёс Лебедев уже другим тоном. — Хороший был учёный. Очень скрупулёзный. Иногда неприятно скрупулёзный, но это как раз полезное качество.

Марк молчал.

— Когда вы пришли в институт, я поддержал вашу кандидатуру. Вы помните. Я знал, какое у вас образование, видел рекомендации, учитывал и ваш прежний опыт, и имя отца. И то, что вы сделали для страны, тоже учитывал. А когда я читаю вашу главу, мне нужны источники. Послужной список и репутация семьи здесь не помогут.

Марк положил ручку на блокнот.

— Откровенно говоря, принеси мне такую реконструкцию человек, которого я впервые вижу, без вашего прошлого, без отцовского имени, я бы ещё подумал, стоит ли ему вообще браться за такую тему…

Марк смотрел на него в упор. В батарее под окном журчала вода.

Лебедев медленно снял очки.

— Я выразился неудачно, — сказал он после паузы. — Я хотел сказать, что с самого начала вам доверяли больше, чем другому соискателю. Вправе и спросить строже. Только это.

Марк взял ручку обратно.

— Что нужно сделать в первую очередь?

Лебедев сразу придвинул к себе карты.

— Начните с архива. Сегодня же. Большая Нева — план с промерами. Адмиралтейская сторона. Документы по Первой крепости. Нужны подлинники или хорошие репродукции. По Кривуше смотрите ранние упоминания отдельно от поздних пересказов. Потом сведёте по участкам в таблицу. Для каждого укажите источник, дату, масштаб и что это за водный объект. Дайте обе длины, по карте и по описанию. Если длины не сходятся, укажите расхождение и насколько надёжен каждый источник.

— Срок?

— Первичный список архивных дел — к завтрашнему утру. Таблица — через неделю.

— Хорошо.

Марк кивнул, закрыл блокнот и поднялся.

— Марк, — остановил его Лебедев.

Он обернулся у двери.

Профессор несколько секунд подбирал слова.

— Я не хотел задеть память вашего отца.

— Вы задели не её.

Лебедев опустил взгляд на бумаги.

— Тогда тем более прошу считать формулировку неудачной.

Марк ничего не ответил. Он вышел в коридор и прикрыл за собой дверь.

Край обложки вдавился в ладонь. Марк только в коридоре заметил, с какой силой сжимает блокнот. Переложил его в папку и пошёл к себе.

За стол он не сел. Собрал нужные листы, убрал в сумку копии карт, взял паспорт, читательский билет, чистый блокнот для выписок и карандаш. На верхнем листе блокнота написал: «Архив. Не откладывать».

В архиве ему выдали не всё. От плана с промерами по Большой Неве имелась только плохая копия. Материалы по Адмиралтейской стороне следовало заказать отдельно, дело по Первой крепости значилось в описи, но временно не выдавалось. Архивистка в сером кардигане объяснила всё это привычно ровным голосом.

— Атлас посмотрите? — Архивистка положила перед ним тяжёлый том в тёмно-зелёном переплёте. — По старым водным линиям. Может, что-нибудь своё найдёте.

Марк расписался в бланке, перенёс атлас к столу у окна и осторожно раскрыл его.

За столами под зелёными плафонами сидели ещё два человека. Пожилой мужчина читал с лупой, женщина у стены мелким почерком переписывала что-то из дела.

Атлас пах пылью и старым клеем. Марк придерживал волнистые листы у края, привыкая к масштабу и манере чертежа. На Неве и Мойке вода была очерчена уверенно. У Кривуши приходилось всякий раз смотреть в пояснения: обозначена здесь заболоченная низина, прежняя протока или русло.

Между двумя листами лежала старая закладка.

Такие прежде выдавали в библиотеках. На плотном картоне под выцветшей эмблемой Марк ещё разобрал просьбу не загибать страницы и не делать пометок. Штамп ниже расплылся, один угол был стёрт.

Он переложил закладку на стол и продолжил смотреть атлас.

На одном из разворотов его зацепило расхождение. Поздний план, с которым он работал утром, давал более мягкий изгиб старой протоки, а здесь линия уходила в сторону, перерезала участок, который в его таблице считался почти устойчивым. Марк взял карандаш, отметил страницу в блокноте и начал прикидывать масштаб. Чем дольше он считал, тем яснее становилось, что ошибка не укладывается в обычную неточность копии.

Он откинулся на спинку стула и машинально взял закладку со стола.

Лёгкая, чуть шероховатая — картон как картон. Марк вертел её в пальцах, не отрывая глаз от карты. Если верить этому атласу, придётся пересмотреть целый участок реконструкции. А если не верить, то на каком основании он предпочёл поздний источник?

Всё ещё считая про себя, он легонько стукнул закладкой по лбу. Стукнул ещё раз, посильнее, и поморщился.

Марк опустил руку.

В пальцах у него лежала тонкая медная пластина. Узкая, со стёртым углом и неровной кромкой — по форме та самая закладка. Он даже качнул её на пальце: откуда только такая тяжесть?

На медной поверхности проступали тонкие линии.

Сначала ему показалось, что это схема водотоков: несколько изгибов, короткие отводы, точки, похожие на промерные отметки. Потом он заметил, что линии не подчиняются масштабу. Они сходились и расходились так, будто изображали способ движения по местности. Между ними были знаки: маленькие дуги, насечки, окружности с разрывом, повторяющиеся группы точек. Некоторые напоминали условные обозначения на старых инженерных чертежах, некоторые не напоминали ничего.

Он повернул пластину к окну. На миг показалось, что линии на меди сдвинулись на толщину волоса. Марк моргнул. Всё стояло на месте.

Он положил пластину на стол рядом с атласом.

Почти сразу медь потускнела. Там, где секунду назад были тонкие линии, проступила выцветшая библиотечная эмблема. У края опять виднелся след штампа.

Марк осторожно взял её снова. Картон. Шероховатый, лёгкий, чуть погнутый у края.

Он положил её на разворот ровно между Невой и старой протокой и стал ждать.

После мелкого чертежа бывает, что метка ещё долго стоит перед глазами. Но почему было так больно, когда он хлопнул себя по лбу картонкой?

Он хотел вложить закладку туда, где нашёл. Подержал в руке, потом убрал между чистыми листами своего блокнота.

Ещё с полчаса Марк выписывал из атласа номера листов и расхождения в промерах. Дважды открывал блокнот, чтобы проверить закладку. Медь больше не появлялась.

Из архива он пошёл пешком вдоль старых домов. В окнах уже зажигали свет. В конце переулка виднелась Нева. Марк ненадолго остановился у ограды и отвернулся от воды.

В сумке вместе с блокнотом лежали выписки и требования на архивные дела.

Домой он вернулся позже обычного. В квартире пахло запеканкой.

Из кухни падал тёплый свет, тихо играло радио. В коридоре горели обе лампочки, на вешалке висел чей-то плащ, у стены стояли тапочки тёти Вали, как всегда развёрнутые носками к кухне.

— Вернулся? — крикнула она.

— Только что, — отозвался Марк.

— Тогда руки мой и садись. Я как раз достала.

Марк повесил куртку и умылся. В зеркале над раковиной темнела вечерняя щетина.

Тётя Валя уже поставила две тарелки. Запеканка была творожная, с тонкой румяной корочкой. Рядом стояли сметана и маленькая розетка с клюквенным вареньем. На плите остывал чайник. Марк налил себе воды из графина и сел у окна.

— Чай не будешь? — спросила тётя Валя.

— Позже.

— Твоё «позже» я знаю. Утром опять полную кружку найду.

— Сегодня постараюсь исправиться.

— Исправляться лучше с ужина.

Она положила ему кусок запеканки, придвинула сметану и села напротив. Марк отрезал румяный краешек, попробовал и благодарно кивнул.

Некоторое время они ели молча. За стеной прошёл сосед, в коридоре скрипнула половица, радио тихо бормотало про погоду и городские новости.

— Ты сегодня лучше выглядишь, — сказала тётя Валя.

— После архива и разноса?

— После нормального завтрака.

— Значит, диссертацию спасли твои сырники.

— Скажи ещё, Лебедеву отнести. Варенье будешь?

Марк доел запеканку и взял немного варенья.

— Я ещё немного поработаю, — сказал он.

— Немного — это до какого времени?

— До разумного.

— А это, по-твоему, до скольких? Мне опять утром свет у тебя гасить?

— Сегодня сам погашу.

— Ну смотри. И воды возьми. Опять просидишь над картами, пока голова не заболит.

— Возьму.

— И лампу не ставь прямо в глаза.

— Хорошо.

Марк собрал тарелки. Тётя Валя махнула рукой, но он всё-таки отнёс их к раковине, прежде чем уйти к себе.

Он зажёг лампу, разложил на столе архивные выписки и копии карт. Чтобы ещё раз измерить длину русла, нужен был курвиметр.

Он перерыл оба ящика стола. Нашлись старая линейка, несколько флешек, даже потрескавшийся транспортир. Электронного курвиметра, которым он пользовался последние годы, нигде не было.

Он уже хотел отложить измерения до утра, когда вспомнил об отцовской коробке.

Отцовскую коробку он хранил на шкафу, за стопкой старых папок. Там, среди значков, удостоверений и чертёжных принадлежностей, должен был остаться механический курвиметр в чёрном чехле.

Марк подставил стул, снял коробку и поставил её на комод. Картон просел по углам, крышка держалась плохо. Внутри пахло пылью, старой бумагой и сухой кожей футляров.

Пришлось отложить в сторону футляр от циркуля, пересыпать кнопки и скрепки, переложить на стол фотографии и тетради. Чёрный чехол нашёлся у самого дна. Рассохшаяся резинка едва держалась.

Марк вынул курвиметр из чехла, проверил колёсико, провёл по ладони. Механизм шёл сухо, но ровно.

Рядом лежала тонкая тетрадь с серой обложкой. На ней отцовской рукой было написано: «Архитектура. Наброски. Разное». Марк уже собирался вернуть её в коробку, но задержался. Обложка под пальцами показалась слишком плотной.

Он взял тетрадь и открыл на середине. На странице были записи по архитектуре: расчёты лестничных уклонов, пометки о несущих стенах, схемы арочных проёмов, фрагмент фасада, слова на полях — «сопряжение», «нагрузка», «переход», «ось». Почерк местами спешил, сокращения были непонятны, некоторые линии уходили одна в другую.

Он перевернул несколько страниц. Везде наброски, чертежи, расчёты. Сами по себе они бы его не удивили, но отец никогда не занимался архитектурой. Марк пролистал тетрадь обратно. Вот что его зацепило: на полях стояли знакомые знаки. Те же он видел на медной пластине.

Он провёл пальцем по знаку. Бумага была старой, чуть шершавой.

— Ну конечно, — сказал Марк тихо.

Он и сам услышал, сколько досады было в этих двух словах.

Марк положил тетрадь на стол, рядом оставил закладку. Потом взял курвиметр, придвинул карту и начал измерять линию старого русла.

Колёсико шло по бумаге с тихим сухим шелестом. Марк провёл участок один раз, потом второй, записал значение, пересчитал по масштабу и сверил с таблицей. Расхождение подтвердилось. Он отметил это карандашом, рядом поставил вопросительный знак и номер архивного листа.

Работа продолжалась около часа. Марк сделал несколько измерений, составил список дел на завтра, переписал названия источников, которые нужно было заказать, и отдельно отметил: «проверить отцовские записи».

Около полуночи Марк обнаружил, что уже который раз водит глазами по одному и тому же изгибу русла. Курвиметр давно лежал в стороне, карандаш остался между страницами блокнота.

Он убрал инструмент в чехол и сложил карты. Тетрадь и закладку оставил на столе.

Он выключил лампу, лёг и некоторое время смотрел в темноту.

Утром предстояло пересчитать спорный участок, вернуться к таблице соответствий и заказать дело по Первой крепости. Марк уснул, перебирая про себя эти будничные дела.

Задолго до звонка будильника его разбудил чей-то шаг в коридоре. За стеной зашумела вода. С кухни тянуло кофе и чем-то сладким.

Он потянулся и сел на кровати. Света из окна хватало, чтобы разглядеть отцовскую тетрадь на столе.

Он решил остаться дома.

Выписки и планы он вчера принёс сюда. Курвиметр и отцовская тетрадь лежали под рукой. И хотя бы до завтра можно не заглядывать в кабинет Лебедева.

Он умылся, побрился без долгого раздумья и пошёл на кухню.

На кухонном столе его ждали бутерброды с сыром, тарелка овсянки и маленькая пиала с клюквенным вареньем.

— Ты сегодня бодрый, — сказала тётя Валя, оглянувшись.

— Выспался.

— Так ты вчера и вправду лампу вовремя погасил?

— Видишь, я иногда слушаюсь.

Тётя Валя сняла с плиты кофейник.

Марк налил себе кофе и сел у окна. Есть хотелось. Он взял бутерброд, потом сам придвинул овсянку и положил в неё варенья. Тётя Валя заметила это и молча подвинула ему ложку.

— Сегодня в институт? — спросила она.

— Нет. Дома поработаю.

— Хорошо. Значит, обед будет человеческий.

— Это зависит от работы.

— Это зависит от того, кто тебя вовремя позовёт на кухню.

— Тогда шансы есть.

Вернувшись к себе, Марк заполнил две строки таблицы. Сверил длину по карте с архивной копией, записал расхождение и номер листа в атласе.

Потом он опять открыл отцовскую тетрадь. При дневном свете она выглядела ещё обыкновеннее: серая обложка, бумага в клетку, торопливый почерк, архитектурные схемы, в которых он легко разбирался. Марк положил закладку поперёк страницы, подвигал по строкам и приложил к трём знакомым насечкам у чертежа арочного проёма.

Ничего. Обычная тетрадь. Закладка — картонка.

Марк закрыл её слишком резко.

— Хватит, — сказал он.

Он прошёлся по комнате. Допустим, ничего не превращалось в медь. Значит, это он сам видел металл там, где был всего-навсего картон? Вспомнилось лицо в кружке, и тут уж сидеть одному над тетрадью стало невмоготу.

Он достал телефон и открыл контакты.

Своего психолога он не видел несколько месяцев. В последний раз тот всё пытался говорить о прощении, и Марк ушёл недовольным. Сейчас он бы с облегчением сел в знакомое кресло и выложил всё, начиная с чашки.

Номер психолога был перед ним, оставалось нажать на вызов. Марк убрал палец и открыл приложение такси. До клиники без пробок минут двадцать пять. Машина нашлась быстро. Он оделся, крикнул тёте Вале из коридора, что ненадолго выйдет, и спустился.

У подъезда ждала белая машина. За рулём сидел коротко стриженный мужчина лет пятидесяти. На панели рядом с телефоном стояла иконка, в салоне пахло резиной и дешёвым кофе.

— На Литейный? — спросил водитель.

— Да.

Марк сел сзади и закрыл дверь.

Пока ехали, водитель пару раз выругался на машину в соседнем ряду. Марк молчал и смотрел в окно. У перехода стояли люди, в решётках ливнёвок застряли листья — смотреть, в сущности, было не на что.

С карты деньги не списались. Приложение повисло на несколько секунд, потом выдало сухое уведомление: «Оплата картой временно недоступна. Способ оплаты изменён на наличные». Марк посмотрел на экран, выругался вполголоса и полез искать деньги. В кармане куртки нашлась пятисотенная купюра, сложенная вдвое. Этого хватало.

У клиники он протянул купюру водителю.

— Сейчас, — сказал водитель и начал считать сдачу из пластиковой коробки в подстаканнике.

Монеты посыпались Марку в ладонь: десятки, рубли, пара пятёрок.

— Всё ровно.

— Спасибо.

Марк уже собирался выйти, когда почувствовал в ладони тяжесть.

Он сжал сдачу в кулаке. Водитель уже смотрел в телефон, где появился следующий заказ. Марк выбрался на тротуар и разжал пальцы у самого входа в клинику.

Среди обычных монет лежал небольшой медный круг. Размером почти с пятирублёвку, но толще по краю. У самого края была маленькая дужка — не украшение, скорее место для кольца или шнурка. На одной стороне был выбит знак, похожий на разомкнутую окружность с короткой чертой внутри. На другой — несколько мелких делений и число, которое сначала показалось пятёркой, а потом распалось на две незнакомые черты. Это могла быть монета, жетон, счётная метка, часть механизма. Марк молча сгреб всё обратно в карман.

Злость прошла. Марк всё ещё чувствовал сквозь ткань кармана холодный металлический кружок. Разбираться с ним он будет дома. Сейчас бы узнать, принимает ли Сергей Игоревич.

В регистратуре сидела молодая женщина с аккуратной причёской и усталым лицом.

— Добрый день. Мне к Сергею Игоревичу.

Она посмотрела в компьютер.

— На сегодня у вас запись?

— Нет. Я тут без записи. Вдруг у него есть окно?

— Сергей Игоревич в отпуске.

Марк некоторое время смотрел на неё.

— С какого числа?

— С понедельника.

— Понятно.

— Он будет после двадцатого. Могу записать вас к другому специалисту.

— Не надо.

— Может, всё-таки посмотрим? У нас есть свободное время завтра.

— Спасибо, я лучше ему самому позвоню.

Он выбрался на крыльцо. Стоявший рядом курильщик заслонил ладонью огонёк от ветра. Марк достал телефон и позвонил психологу.

Трубку взяли не сразу.

— Марк? Что-то случилось? — Голос Сергея Игоревича доносился глухо. На том конце что-то непрерывно шумело — то ли дорога, то ли море.

— Я к вам заехал. В регистратуре сказали, вы в отпуске.

— Да, я за городом. Надо было созвониться заранее.

— Сам виноват.

— Срочно?

Марк сунул свободную руку в карман. Так и подмывало вытащить мелочь, проверить, не стала ли медная штука опять пятирублёвкой. На том конце всё ещё ждали ответа.

— Нет, — сказал он. — Не срочно.

— Тогда давайте после двадцатого. Или я могу дать контакт коллеги.

— Давайте после двадцатого.

— Вы точно в порядке?

— Да. Я просто… не знал, что вы уехали.

— Хорошо. Напишите мне ближе к дате.

— Напишу.

Он убрал телефон.

Он долго бродил по центру, заглянул к двум букинистам, постоял на набережной. До дома можно бы и не проверять жетон. Так он думал всю дорогу. А когда сел в полупустой троллейбус и положил сумку на колени, всё-таки вынул сдачу и стал по одной перекладывать монеты во внутренний карман.

Медный круг оказался на месте.

Он застегнул карман сумки.

К подъезду Марк подошёл уже в сумерках.

На кухне тётя Валя раскладывала по тарелкам жареную картошку с луком. На столе стояли солёные огурцы, хлеб, чайник и маленькая миска с салатом из капусты.

— К психологу ездил? — спросила она без вступления.

Марк снял куртку и посмотрел на неё.

— С чего ты взяла?

Тётя Валя только повела рукой: мол, а куда ещё? Марк вздохнул.

— Его не было. В отпуске.

— Бывает. Руки мой и садись. Картошка остывает.

Он помыл руки. Тётя Валя накладывала картошку с жареным луком, и Марк взял кусок хлеба, не дожидаясь, когда она сядет. К нему на тарелку она ещё и огурец положила.

О психологе больше ни слова.

После ужина Марк помог убрать посуду и пошёл к себе.

В комнате было темно, только из окна падал слабый свет от фонаря во дворе. Он включил лампу, поставил сумку на стул и достал из внутреннего кармана монеты. Обычные десятки и пятёрки звякнули о стол. Медный жетон лёг рядом без звука.

На столе уже лежали тетрадь отца и архивная закладка.

Сначала потемнела закладка. Картон потерял серый цвет, края стали плотнее, печатные буквы ушли внутрь, будто их залили тонким слоем металла. Через несколько секунд на столе лежала медная пластина — та самая, из архива. Узкий прямоугольник, стёртый угол, неровная кромка. Только теперь медь не тускнела. Линии на поверхности держались ясно: дуги, точки, короткие насечки, разомкнутые окружности.

Марк ждал.

Он осторожно взял пластину. Металл оттягивал пальцы, тонкая кромка впивалась в кожу. В архиве медь казалась тёплой, а сейчас пластина холодила руку.

Марк отложил пластину и взял в руки отцовскую тетрадь.

На кухне тётя Валя закрыла форточку. Хлопнула рама.

В руках он держал небольшой томик в тёмно-зелёном переплёте. По углам стояли медные накладки, потемневшие, с тонкой гравировкой. На корешке ровным тиснением было выведено:

Практическая магия

Марк сел на стул.

Томик был старый, но ухоженный. На медных уголках виднелись мелкие знаки: дуги, точки, короткие насечки, пересекающиеся линии. Некоторые Марк уже видел на пластине. Он открыл книгу.

На форзаце шли несколько строк. Марк сразу узнал крупный ровный почерк отца.

«Всякая граница держится на согласии сторон. Вода помнит переход лучше камня. Карта не указывает путь, карта договаривается с пространством».

— Ну здравствуй, — сказал он тихо.

Он перевернул страницу. Буквы плыли.

Марк отодвинул книгу, потёр глаза и повернул лампу. Крупный шрифт он видел отчётливо. Каждое слово порознь было понятно, а прочесть строку целиком не удавалось. Буквы словно менялись местами, стоило перевести взгляд чуть правее. Со схемами на полях вышло ещё страннее. Он узнал очертания русла, архитектурный разрез, но стоило присмотреться к подробностям, взгляд соскальзывал в сторону.

Марк попробовал читать вслух.

— Эту ткань мы называем единым полем…

Он споткнулся и замолчал.

Он вернулся к началу, провёл пальцем под первой строкой и повторил её вслух. Пока читал вторую половину, первая опять успела ускользнуть.

Марк заложил страницу медной пластиной и закрыл учебник. Придвинул к нему лежавший на столе жетон. Какое-то время смотрел на них, уже ни о чём не думая.

— Спать. Утро вечера мудренее.

Утром Марка разбудил телефон.

Он протянул руку к тумбочке и взял телефон. На экране было имя Лебедева.

— Да, слушаю.

— Марк, доброе утро. Вы сегодня в институте будете?

Голос профессора звучал сухо и ровно, без прежней резкости.

— Я собирался поработать дома.

— Планы придётся изменить. Пришёл ответ из архива по одному из дел, и ещё мне нужно, чтобы вы посмотрели у нас копии по Адмиралтейской стороне. Сегодня. Лучше до обеда.

Марк сел на кровати.

— Хорошо. Буду.

— И захватите те выписки, с которыми вчера работали. Все, пожалуйста.

— Захвачу.

— До встречи.

Лебедев отключился.

На столе из-под зелёной обложки отцовского учебника выступал край медной пластины. Жетон за ночь тоже не изменился. Он лежал рядом с мелочью, выделяясь толстым медным ободком.

Он умылся, побрился и оделся. Выписки, блокнот и копии карт уложил в сумку, сверху положил отцовский учебник с закладкой между страницами. Жетон пристегнул за маленькую дужку к карабину на связке ключей.

На кухне тётя Валя наливала чай.

— Что, на работу? — спросила она.

— Лебедев звонил. Нужно в институт.

— Начальство не дремлет.

— У него это профессиональное.

— Завтракать будешь?

— Быстро.

Она поставила перед ним тарелку с бутербродами и чашку кофе.

— Быстро — это не значит на ходу.

— Я успею.

— Так и я о том же. Садись, пока кофе горячий.

Марк взял бутерброд и сел у окна. Есть хотелось меньше, чем вчера, но кофе был кстати. Тётя Валя не стала расспрашивать. Только положила рядом с тарелкой яблоко.

— Яблоко тоже возьми. В институте опять про обед забудешь.

— Возьму.

— И про квартиру не забудь. Я серьёзно, Марк. Хотя бы почту забери на днях.

— Заберу.

— На днях — это не когда диссертацию защитишь.

— Понял.

— Вот и хорошо.

Во дворе было светло. Листья у подъезда будто и вправду пожелтели за эти два дня. Марк поправил воротник и пошёл к остановке.

Троллейбуса ещё не было. Марк даже не стал выглядывать, не идёт ли он из-за поворота. В старый квартал он теперь сворачивал почти по привычке.

На перекрёстке его задержал мужчина с телефоном, вставший поперёк тротуара. Марк обогнул его и уже почти вернулся мыслями к таблицам, когда в переулке между двумя старыми домами мелькнул знакомый силуэт.

Он остановился.

Силуэт был виден всего несколько секунд: женщина прошла вдоль стены, пересекла узкую полоску света и скрылась за углом. Марк не увидел лица, но сомнения не было. Та же осанка, та же неторопливая точность движения.

Он свернул за ней.

Она уже свернула. Марк перешёл почти на бег, обогнул припаркованную машину, задел плечом какого-то прохожего и бросил короткое «простите», не оборачиваясь. На соседней улице людей было больше. Её фигура мелькнула впереди, за спиной женщины с детской коляской, потом исчезла за вывеской.

Сумка била по бедру, дыхание сбилось. Он вышел к небольшой площади и огляделся. Куда она? Справа тянулся ряд старых домов с узкими витринами, слева темнела арка во двор, прямо перед ним была книжная лавка в полуподвале. Над дверью висела деревянная вывеска с потемневшими буквами. В витрине лежали книги по архитектуре и краеведению, старые карты и альбомы с видами города.

Марк заглянул во двор. Там её тоже не оказалось. Он вернулся к витрине перевести дыхание.

В витрине лежал альбом с планами Петербурга начала XIX века, рядом — справочник по старым лоциям, несколько потрёпанных томов по градостроительству и тонкая книжка с гравюрой Адмиралтейской стороны на обложке. В таких местах иногда попадались вещи, которых не было в электронных каталогах и которые в государственных библиотеках лежали без нормального описания. Марк уже опаздывал, но не настолько, чтобы не зайти на пять минут.

Он спустился по трём ступеням и открыл дверь.

Внутри пахло бумагой, пылью, деревом и чуть-чуть кофе. Помещение оказалось длинным и узким. Полки поднимались почти до потолка, между ними оставались проходы, где двум людям было бы трудно разойтись. У стены стоял старый стол с кассовым аппаратом, лампой и стопкой книг без ценников. За столом сидел мужчина лет шестидесяти пяти, в тёмном жилете и рубашке с закатанными рукавами. Он поднял глаза от раскрытого тома и кивнул.

— Доброе утро.

— Доброе. Можно посмотреть?

— Конечно.

У него был тихий, поставленный голос. Марк скорее представил бы его в читальном зале, чем за кассой.

Марк прошёл вдоль полок. Архитектура. Петербург. Краеведение. Мосты и набережные. Военная топография. Гидрография. Он достал один том, пролистал, поставил обратно. Второй оказался поздним переизданием, третий — сборником статей без нужных карт. На полке ниже лежали старые журналы с выцветшими корешками.

Он не сразу заметил, что крутит в пальцах жетон.

— Давно у вас тессера? — спросил мужчина за столом.

Марк обернулся.

— Что?

— Тессера. — Мужчина кивнул на жетон. — Можно взглянуть?

Марк посмотрел на свою руку. Так и стоял с жетоном на виду.

— Тессера?

— Конечно.

Мужчина вышел из-за стола. К жетону он не потянулся, только чуть наклонил голову, чтобы разглядеть знак.

— Ах, вот оно что. Когда она к вам попала?

— Вчера.

— Пойдёмте, я открою вам особую секцию.

— Куда?

— В особую секцию. Вам что же, совсем ничего не объяснили?

Пока Марк соображал, что на это ответить, мужчина вынул из ящика ключ. Между полкой с альбомами по архитектуре и старым комплектом энциклопедии обнаружилась дверь в тон деревянной обшивке.

— Мне, вообще-то, нужны издания по гидрографии Петербурга, — сказал Марк.

— Там тоже могут быть.

— Я опаздываю на работу.

— Стало быть, придётся смотреть быстро.

Мужчина открыл дверь и включил свет.

За дверью была небольшая комната без окна. Полки здесь стояли плотнее, и книги на них выглядели иначе: старые переплёты, кожаные корешки, медные уголки, тёмные футляры, коробки с рукописями. На некоторых книгах не было названий. На других названия были, но Марк, проходя взглядом по полкам, не удерживал их в памяти. Слова скользили мимо, не оставляя смысла.

— Смотрите спокойно, — сказал мужчина. — Обычно нужная книга находится сама.

Марк прошёл вдоль одной полки, потом вдоль другой. Он отчётливо видел тиснение, старые наклейки, следы ремонта на коже, но не мог прочитать ни единого названия. Только на нижней полке взгляд вдруг зацепился за корешок.

Тёмный переплёт с потёртыми медными уголками, узкая медная пластинка у основания корешка. Названия не было вовсе. И всё же Марк почему-то знал, какую книгу взять. Он присел и снял её с полки.

Она оказалась тяжёлой. Переплёт был тёплым на ощупь, хотя в комнате было прохладно. Медь на корешке потемнела по краям, а в центре виднелся знак, похожий на тот, что был на жетоне. Марк открыл книгу.

Страницы были пустыми.

Он перелистал ещё несколько страниц, одну поднял к свету. Даже водяного знака нет. Он уже был готов вернуть книгу на полку, когда у него в голове прозвучали слова.

Я твой гримуар.

Марк замер.

Он поднял глаза. Мужчина у двери, насколько Марк мог судить, даже рта не открывал. Фраза прозвучала у Марка в голове так ясно, словно он сам её подумал.

— Это ваш первый гримуар? — спросил продавец.

Марк закрыл книгу. Потом снова открыл. Страницы оставались пустыми.

— Что вы сказали?

— Я спросил, первый ли это ваш гримуар.

— Вы каждого покупателя об этом спрашиваете?

— Случается.

— Я думал, у вас просто книжный.

— Так и есть.

— И пустые книги у вас тоже в порядке вещей?

— В этом отделе — да.

Марк положил книгу на ближайшую полку, но руку с обложки не убрал.

Розыгрыш? Может, лавка принадлежит секте. Или здесь так выманивают деньги. Но для этого пришлось бы как-то подстроить и вчерашнее, и позавчерашнее. Проще всего было допустить, что с ним самим что-то неладно. Вот только жетон продавец тоже видел. И слово «гримуар» произнёс сам, хотя Марк ещё рта не открыл.

— Я не покупаю пустые книги, — сказал Марк.

— Пустые книги никто не покупает.

— Тогда что это?

— Гримуар.

— Вы уже говорили.

— А как же ещё его назвать?

Он всё ещё держал ладонь на обложке. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы наконец убрать руку.

— Я должен идти, — сказал он.

— Можете идти.

— Без книги.

— Можете попробовать.

Марк резко закрыл книгу и поставил её обратно на нижнюю полку. Потом выпрямился, сунул жетон в карман и вышел из комнаты. Мужчина не остановил его. Дверь особой секции осталась открытой.

В торговом зале было светлее. С улицы доносился шум машин, за витриной прошёл человек с пакетом. Марк почти дошёл до выхода и остановился у полки с картами Петербурга.

В голове снова возникла та же фраза, спокойная и терпеливая.

Я твой гримуар.

Марк вернулся в особую секцию и взял книгу с нижней полки. Мужчина за столом молча открыл старый журнал учёта.

— Сколько? — спросил Марк.

— Первый гримуар обычно оплачивают с тессеры. Сумма уже должна быть списана. Забирайте. Если книга ваша, она всё равно останется с вами.

Марк прижал книгу к боку и пошёл к выходу.

На улице пока было сухо. Он ещё раз оглядел переулок, но женщины нигде не было. В НИИ его, наверное, уже хватились.

Он остановился у витрины, посмотрел на своё отражение в стекле и на тёмный переплёт под рукой.

КНИГИ
ГРАВЮРЫ
РЕДКОСТИ
БУКИНИСТИЧЕСКИЙ

Глава 3

До НИИ Марк дошёл быстрее, чем рассчитывал. От самой лавки он почти не сбавлял шага.

Книгу он нёс в сумке вместе с картами, выписками, медной пластиной и отцовским учебником. Ремень впивался в плечо. Хорошенькое приобретение: пустые страницы, а книгу поди потаскай.

На крыльце, доставая пропуск, Марк разжал другую руку. На ладони отпечатались зубцы ключей. На карабине среди них висела медная тессера — посторонний принял бы её за музейный брелок. Вчера её дали Марку на сдачу, сегодня благодаря ей он попал в особый отдел книжной лавки.

Марк убрал ключи в карман, расписался у вахтёра и поднялся на второй этаж.

Из буфета несли чай, в канцелярии звонил телефон. У окна двое сотрудников спорили о командировочных, и Марк с удовольствием прислушался к их спору.

Лебедев был у себя.

— Вы задержались, — сказал он, когда Марк вошёл.

— Да. Прошу прощения.

Профессор посмотрел на часы.

— По Адмиралтейской стороне пришли первые копии. Дело по Первой крепости архив выдаст через два дня, так что займитесь пока планами.

Он положил перед Марком несколько листов и тонкую папку с голубой архивной обложкой.

— Вот ранние планы, вот выписки из описей. А это промеры. Копия так себе, ваша всё-таки похуже. Проверьте участок у старого канала. Может, там и найдёте расхождение.

Марк открыл папку.

— К обеду покажите таблицу. Можно вчерне. Мне сейчас важнее увидеть, на какой источник вы опираетесь в каждом случае.

— К обеду сделаю.

— И когда будете переходить с одной карты на другую, аккуратнее, — добавил Лебедев. — С необычными источниками особенно. Знаю я это искушение: один любопытный лист, и на нём уже вся работа держится.

Марк едва заметно усмехнулся.

— Запишу.

— Лучше примените.

За своим столом Марк поставил сумку под ноги, разложил копии и расчертил в блокноте таблицу. Источник, дата, масштаб, участок. Длина по карте, длина по описанию. Последние два столбца — величина расхождения и степень доверия. Марк придвинул карандаш и курвиметр.

Поначалу он ещё прислушивался к себе, потом увлёкся. Там, где линии расходились, приходилось заново проверять масштаб. Для каждого листа надо было установить, откуда он взялся.

К одиннадцати Марк закончил шесть разделов. Два оставались спорными. На новой копии расхождение по Большой Неве оказалось меньше, чем на старой. У Адмиралтейской стороны поздний план заметно сглаживал изгиб русла. Возле Кривуши Марк карандашом приписал: «Не использовать как подтверждение без дополнительного источника».

Ближе к обеду Марк полез в сумку за яблоком от тёти Вали. Под пальцами оказался кожаный переплёт. Марк вытащил яблоко и стал искать строчку, на которой остановился.

К часу черновик был готов. Марк перенёс таблицу на чистый лист, оставил поля для поправок и отнёс её Лебедеву.

Лебедев читал отчёт и сначала не поднял головы.

— Уже?

— Черновик.

— Давайте.

Профессор взял листы, надел очки и вчитался в первую страницу. Марк ждал стоя. На подоконнике сохла чашка с чайным налётом. Рядом лежали линейка и карандаши, заточенные почти до одинаковой длины.

— Вот это лучше, — сказал Лебедев наконец.

— Теперь видно, на что вы опирались, когда проводили линию. И где достроили её сами.

Он постучал карандашом по строке с Кривушей.

— А вот эту строку вы зря оставили в таблице.

— Но я же пометил, что её ещё проверять.

— Вот и вынесите в примечания. Подтвердится — вернёте в таблицу.

— И по Адмиралтейской стороне поищите подтверждение. Уж больно хорошо ваша линия ложится на план. Один лист тут ничего не решает.

— Поищу в частных каталогах. Вдруг этот план где-нибудь воспроизводили.

Лебедев кивнул.

— Или воспроизвели в каком-нибудь ведомственном издании. Старые альбомы тоже посмотрите. У коллекционеров порой лежат такие листы, каких в архиве давно не сыщешь.

Марк посмотрел на него внимательнее.

— Да, — сказал он. — Я об этом думал.

— И если повезёт — принесите. Разберёмся, откуда он.

Лебедев снял очки и положил их на стол.

— Вы сегодня спокойнее.

— Выспался.

— Похоже. К вечеру покажете ещё раз? Меня интересует последний столбец.

— Будет.

Марк взял листы.

— Марк, ещё минуту.

Он остановился у двери.

— Да?

Профессор несколько секунд смотрел на бумаги перед собой.

— В прошлый раз я был с вами резок.

Марк не сразу ответил.

— Бывает.

Лебедев опять взял отчёт.

— К вечеру, — напомнил он.

Марк дошёл до своего стола, всё ещё слыша это короткое «был с вами резок».

До пяти Марк ещё раз разобрал источники по степени доверия. Вынес Кривушу в примечания, выписал планы по Адмиралтейской стороне и отметил участок, для которого предстояло найти подтверждение. Книга под столом больше о себе не напоминала.

Под конец дня он снова зашёл к Лебедеву. Тот просмотрел пометки в последнем столбце и дважды чиркнул карандашом по полям.

— Так и оставьте. Завтра займитесь каталогами. Найдёте что-нибудь по ранним планам Адмиралтейской стороны — первым делом ко мне.

— Принесу.

— Идите домой, Марк. Теперь у вас куда больше оснований отстаивать свою работу.

Марк забрал бумаги. Ни за что бы он не поверил утром, что день закончится похвалой от Лебедева.

Пешком домой он уже не пошёл. Забрался в почти пустой троллейбус, сел у окна, положил руки на сумку.

Солнце вышло из-за облаков перед самым закатом. В его свете мокрые листья у бордюра казались медовыми. Тени обозначили лепнину на старых фасадах, и в окнах по очереди загоралось отражённое небо.

У дома он вспомнил про хлеб, зашёл в булочную и купил половинку ржаного и два маленьких пирожка с картошкой.

Уже в прихожей Марк понял, что тётя Валя на его память не понадеялась: среди капустного и лукового духа отчётливо пахло свежим хлебом. На кухне бормотало радио.

— Пришёл? — крикнула она.

— Ага. И хлеб купил, — отозвался Марк из прихожей.

— Тогда у нас сегодня богатство.

Марк повесил куртку, занёс сумку к себе и прошёл на кухню. Тётя Валя стояла у плиты и помешивала что-то на сковороде. На столе уже ждали две тарелки, банка сметаны, солёные огурцы и чашка с нарезанным зелёным луком.

— Успел на работу? — спросила она.

— Опоздал, но не смертельно.

— Начальство ругалось?

— Сдержанно.

— Это у вас значит сильно?

— Я же говорю: обошлось.

Она посмотрела на него через плечо.

— Что ж ты тогда смотришь, будто тебя до завтра отпустили под честное слово?

— День длинный.

— Садись. Сейчас будет ужин.

Марк положил перед ней хлеб и пирожки. Пока она накладывала ужин, он нетерпеливо поглядывал в сторону своей комнаты. Там остались и книга, и отцовские бумаги.

— В институте хоть ел? — спросила тётя Валя, ставя перед ним тарелку.

— Яблоко.

— И давно у нас яблоко за обед считается?

— Был ещё кофе.

— Тогда почти ресторан.

— Завтра нормально пообедаю.

— Это я вчера слышала.

— Зато работа сегодня продвинулась.

— Вот за работу я и так спокойна. Ты ешь.

Марк взял вилку. Капусту тётя Валя тушила с мясом, клала лавровый лист и перец, и выходила она у неё мягкая, чуть сладковатая. Он ел и слушал.

— Масло опять подорожало. Надо у соседки спросить, где она берёт. Только её ещё поймай: поздоровается — и к себе. Ну не стучаться же к ней из-за масла. Ты ешь, ешь… Лампочку в ванную бы не забыть купить. Ты сегодня к себе-то заезжал?

— Пока нет.

Он помог убрать со стола. Когда тётя Валя предложила чай, пришлось признаться, что его ждёт работа.

— Только недолго.

— Постараюсь.

В комнате он закрыл дверь, но лампу включил не сразу. В окне догорал закат. Двор понемногу темнел, и в стекле проступили стол, книги, сумка на стуле и его собственное отражение.

При свете лампы он принялся разбирать сумку.

Гримуар положил посредине стола, рядом — учебник в тёмно-зелёном переплёте с надписью «Практическая магия». Достал медную пластину, ключи с тессерой, архивные выписки, карту старого русла и чистый блокнот.

В блокноте Марк поставил дату и принялся за опись.

«Предметы: 1. Тессера. 2. Медная пластина. 3. Учебник „Практическая магия“. 4. Гримуар. 5. Отцовские записи. Проверять по отдельности. Не делать выводов заранее».

Закончив опись, он взялся за «Практическую магию». Буквы чёткие, строки ровные, каждое слово знакомо. На середине предложения он всякий раз забывал, с чего оно начиналось.

С плохо отпечатанными копиями и большими таблицами Марк поступал просто: прикрывал нижнюю часть листа, чтобы взгляд не соскакивал с нужной строки. Медная пластина была почти в ширину страницы. Он положил её под первой строкой.

Первое предложение он прочёл до конца.

«Магия — это не нарушение законов, а осознанное управление перераспределением полей».

Марк опустил пластину на строку ниже.

«Главный инструмент — не палочка, не ритуал и не заклинание. Главный инструмент — нервная система оператора, резонансный индуктор».

Новичок, говорилось дальше, различает всего два слоя, инфополе и биополе. Чувствительность пока слабая, на большинство полей он вообще не может воздействовать напрямую. Марк выписал названия. Куда сюда отнести странную уверенность, что он оказался именно в том месте, где нужно? Про тессеру, по которой продавец допустил его в особый отдел, он тоже сделал пометку.

Такую книгу следовало бы в раздражении захлопнуть. А Марк сидел и делал выписки, словно ему предстояло по ним готовиться к зачёту.

«Начинающему оператору недоступны прямые крупные воздействия. На первом этапе задача не в изменении мира, а в развитии чувствительности, фиксации обратной связи и удержании когерентности без перегрузки».

Марк усмехнулся.

— Хоть честно предупреждают.

«Вся реальность представляет собой единое многокомпонентное поле Ψ, в котором гравитация, электромагнетизм, биологические процессы и даже наше сознание — лишь различные проявления единой ткани мироздания».

Места силы, медитации, ритуалы, камни и артефакты учебник называл «костылями» для неофита: с ними можно было сделать то, с чем неподготовленная нервная система сама ещё не справлялась. Марк покосился на пластину, тессеру, пустой гримуар и записал:

«Артефакты = внешние инструменты. Не заменяют понимания».

Раздел о первом занятии Марк уже читал без запинки.

«Для первого занятия выберите тихое помещение. Сядьте удобно, выровняйте дыхание. Выберите один объект для сосредоточения. Приготовьте ручку и блокнот — ваш гримуар, дневник практики. Записывайте каждое ощущение, каждое сомнение, каждую удачу».

Марк задержал пластину.

«Со временем вы заметите в записях закономерности. По ним вы сможете выбрать собственный путь».

Марк вернулся на несколько строк назад. Вот оно: «ваш гримуар». На белой странице соседней книги уже стояло:

«Это обо мне!»

Марк дёрнулся так резко, что пластина соскользнула со страницы и звякнула о край стола.

«Не сердись. Я не хотел пугать».

Марк медленно выдохнул.

— А если бы хотел? — Марк подхватил пластину и положил на учебник.

«Разверни меня полностью. Так легче».

Марк раскрыл книгу пошире.

— Ты меня слышишь?

«Слышу. Когда мысль громкая. Когда обращена ко мне».

— А вслух?

«Тоже. Но мысли ближе. Записи легче всего. Я всё-таки книга».

— Отлично. Книга с чувством юмора.

«Стараюсь».

Слово побледнело, едва Марк успел его прочесть. Он ждал следующего. Когда это он успел перестать бояться?

— Ты учебник?

«Нет».

— Тогда что?

«Гримуар. Дневник практики. Связанный».

— Связанный с кем?

«С тобой. Теперь».

— «Теперь» звучит обнадёживающе.

«Это точное слово».

— Ты должен меня учить?

«Нет. Учебник учит. Наставник учит. Опыт учит. Я записываю. Храню. Иногда отвечаю».

— Иногда?

«Когда могу».

Марк посмотрел на медную пластину, лежавшую на странице учебника.

— Значит, строчки в учебнике мне показал не ты?

«Нет. Ключ открывает».

— Пластина.

«Да».

— А тессера?

«Допуск. Расход. Не всё помню».

— Что значит «расход»?

Страница осталась пустой.

— Удобно, — сказал Марк. — На важном месте память заканчивается.

«Неудобно. Для меня тоже».

— Как тебя называть?

«Гримуар».

— Длинно.

«Дневник».

— Дневник… Нет, не то.

«Предложи».

— Грим.

На миг Марк решил, что обидел книгу.

«Приемлемо».

— Рад, что прошёл согласование.

«Записано».

Вот, пожалуйста, уже и имя ей дал.

— Ладно, Грим. И что мне полагается делать со своим дневником?

«Для начала научись им пользоваться, минай-нари».

— Минай… кто?

«Ученик. Неофит. Начинающий. Тот, кто только встал на путь и ещё не знает, где ставить ногу».

— Ободрил. Я, выходит, и шагу ступить не умею.

«Точность полезнее утешения».

— Ладно, начнём с записей.

«Именно. Для минай-нари это уже работа».

Он вернулся к учебнику. Первое упражнение оказалось простым до нелепости: сесть прямо, успокоить дыхание, положить руки ладонями вверх, затем медленно сближать их, сосредоточившись на ощущениях между ладонями. Тепло, покалывание, лёгкое сопротивление, упругая плёнка — всё это учебник называл первым знаком обратной связи.

Марк перечёл инструкцию.

— Это обязательно?

«Если хочешь знать, а не верить».

— Прямо как Лебедев.

«Кто такой Лебедев?»

— Мой профессор. Фома неверующий.

«Полезный человек».

Марк выпрямился на стуле, положил ладони на колени. Хотел бы он знать, с каким лицом Лебедев на это посмотрел бы.

Он сделал вдох на четыре счёта, задержал дыхание, выдохнул на шесть. Повторил. Потом ещё раз.

На кухне тётя Валя убирала чашки в шкаф. Марк закрыл глаза, поднял руки и развернул ладони друг к другу, оставив между ними сантиметров двадцать.

Поначалу Марк только злился: ну и сколько ему ещё так сидеть?

Минуло с полминуты. Ладони грели друг друга. Марк уже прикидывал, стоит ли вносить это в записи, когда почувствовал лёгкое сопротивление. Развёл руки на пару сантиметров — оно ослабло. Сблизил — вернулось. Когда пальцы почти соприкоснулись, ощущение пропало.

Он остановился на расстоянии, где плотность ощущалась яснее всего.

Колено на несколько секунд перестало ныть.

Марк открыл глаза.

И сразу знакомая тупая боль. Марк посмотрел на ногу. Может, всё дело в том, как он сел? Или просто отвлёкся, пока сближал ладони?

Он вспомнил выписанные названия — инфополе и биополе. Куда отнести тепло между ладонями и это слабое сопротивление?

Он взял ручку и открыл гримуар на чистой странице.

— Что писать?

«Как есть».

Марк записал:

«Дата. Вечер. Комната. Усталость умеренная. Упражнение с ладонями. Сначала ничего. Потом тепло. Затем слабое сопротивление между ладонями на расстоянии около 12–15 см. Нога на несколько секунд не болела. Возможное объяснение: изменение позы, внимание, самовнушение».

Под его записью проступила строка:

«Записано. Сигнал есть. Контроля нет».

— Спасибо за деликатность.

«Не дави. Слушай».

Марк положил ручку.

— Это из учебника?

«Нет. Из опыта».

— Твоего?

«Чужого. Моего. Трудно разделить».

Он хотел спросить о прежнем владельце, но между страницами учебника, там, где лежала пластина, заметил краешек тетрадной бумаги. Только что его там не было.

Марк осторожно открыл учебник.

Там лежали три сложенных тетрадных листа в линейку. Синие чернила, аккуратные формулы, стрелки на полях, пояснения к обозначениям. Марк сперва подумал: откуда они взялись? А потом узнал почерк.

Он развернул первый лист. Вверху было написано: «Расчёт энергии портала».

Под заголовком стояла пометка: «Полминуты на открытие, пять минут работы».

Ниже шли исходные данные:

$D = 2{,}0$ м

$R = 1{,}0$ м

$L = 0{,}3$ м

$\Delta u = 10^{15}$ Мри

$\eta = 0{,}18$

$K_{зап} = 1{,}3$

$t_{откр} = 30$ с

$\tau_{ут} = 120$ с

Справа отец вывел пояснения: M_c — магическое поле, Ψ — единое поле, η — КПД преобразования, Δu — интенсивность возбуждения, V — активный объём.

Дальше:

$V = \pi R^2 L$

$V = 3{,}14 \cdot 1{,}0^2 \cdot 0{,}3 = 0{,}942$ м^3

В нижней части листа отец рассчитал энергию:

$E_{Mc} = \Delta u \cdot 4{,}63 \times 10^{-7} \cdot V$

$E_{Mc} = 10^{15} \cdot 4{,}63 \times 10^{-7} \cdot 0{,}942$

$E_{Mc} \approx 4{,}36 \times 10^8$ Дж

Марк положил первый лист рядом и взял второй.

«Мощность открытия и удержания».

$P_{откр} = (K_{зап} \cdot E_{Mc}) / (\eta \cdot t_{откр})$

$P_{откр} \approx 1{,}05 \times 10^8$ Вт

$= 105$ МВт

Ниже:

$P_{удерж} = (K_{зап} \cdot E_{Mc}) / (\eta \cdot \tau_{ут})$

$P_{удерж} \approx 2{,}62 \times 10^7$ Вт

$= 26{,}2$ МВт

Итог:

$P_{пик} = P_{откр} + P_{удерж}$

$P_{пик} \approx 1{,}31 \times 10^8$ Вт

≈ 131 МВт

Третий лист был озаглавлен: «Итог по циклу работы».

$E_{эл} = (K_{зап} / \eta) \cdot E_{Mc} \cdot (1 + t_{раб} / \tau_{ут})$

$E_{эл} \approx 1{,}10 \times 10^{10}$ Дж

Рядом с расчётом средней мощности отец пометил: «Полный цикл — 330 секунд».

$P_{ср} = E_{эл} / 330$

$P_{ср} \approx 3{,}34 \times 10^7$ Вт

$= 33{,}4$ МВт

Под расчётами оставалась одна короткая строка.

Рекомендуемый класс установки: 150 МВт.

Отец подобрал даже класс установки. Марк слишком хорошо знал этот почерк и эту аккуратность в мелочах. Задачу отец решал всерьёз.

Сто пятьдесят мегаватт.

Это уже промышленная установка. Подстанция, допуски, проект. Сколько людей должны увидеть расчёт, поставить подписи, проложить кабели и проверить контуры? И под каким названием, интересно, всё это проходит в бумагах?

В памяти всплыл вечер многолетней давности. Отец стоял у окна с чашкой чая и смотрел во двор. Марк тогда заехал домой ненадолго перед отъездом, сидел на краю стула, отвечал на сообщения и почти не поднимал глаз. Отец говорил о старых картах, о том, что город иногда хранит проходы дольше, чем люди помнят дороги. Марк кивал, бубнил что-то вроде «интересно», но не слышал по-настоящему. Ему нужно было успеть на поезд.

Поезд, служба, командировки. А из той бумаги, что пришла потом, Марк так и не узнал, где видели отца в последний раз и кто в ту минуту был рядом.

Ни известия о смерти, ни похорон.

Он пропал.

Марк открыл блокнот и записал:

«Листы отца. Расчёт энергии портала. M_c, Ψ, КПД, активный объём. Установка 150 МВт. Проверить связь с НИИ. Проверить источники питания. Проверить, где отец мог получить допуск».

Ниже, после паузы, добавил:

«Отец знал больше, чем говорил».

За дверью послышались шаги тёти Вали.

— Марк, — позвала она негромко. — Чай будешь?

— Позже, тёть Валь.

— Я тебе на столе оставлю. А ты хоть встань, спину разомни.

— Сейчас.

Он поднялся, открыл дверь и вышел в коридор.

Тётя Валя стояла у входа в кухню с чашкой в руке. Свет падал на её седые волосы и старый вязаный жилет. Она посмотрела на Марка и подождала, не заговорит ли он сам.

— Лицо у тебя нехорошее, — сказала она.

— Устал.

— Устал-то устал. Нашёл что-нибудь?

— Отцовские записи.

Тётя Валя медленно кивнула.

— Да у него одних бумаг сколько было. Мама твоя кое-что убрала. А остальное… Кто знает, где что лежит. Не любила она их трогать.

На блюдце возле чашки лежали два печенья. Марк смотрел на них, пока подбирал слова для вопроса.

— Он чем занимался последние годы, тёть Валь?

Она поджала губы.

— Я не знаю, Марк. Он и раньше-то не обо всём говорил. А под конец совсем замкнулся. Сидел ночами, писал, чертил. Мать твоя тревожилась, а он ей отвечал: «Нужно закончить». Что закончить — не говорил.

— Мне тоже не говорил.

— Ты редко спрашивал.

— Да.

Тётя Валя поставила чашку ближе к нему.

— Ты сейчас себя не грызи. Всё равно уже не переиграешь.

— Знаю.

— И я, думаешь, всё спросила?

Марк поднял на неё глаза.

— Тёть Валь…

— Ладно уж. Забирай чай. И не сиди до утра.

— Спасибо.

— Если захочешь поговорить — я на кухне ещё посижу.

— Хорошо.

Он вернулся в комнату и закрыл дверь не до конца.

Поставив чашку рядом с блокнотом, Марк ещё постоял над отцовскими листами. Потом сложил их по порядку, убрал в отдельную папку и вынул из учебника пластину.

Он развернул старую карту Петербурга с водотоками, низинами и спорным участком у Адмиралтейской стороны. Приложил к ней пластину.

От поворота на несколько градусов ничего не изменилось. У северного края карты можно было красиво совместить линии, только Марк никак не мог найти для них привязку. В блокноте он пометил: «Ложное совпадение». А если взять за основу изгиб старого канала и то место, где поздний план расходился с ранним? Две насечки на меди легли на русло. Третья пришлась чуть в стороне от книжной лавки.

Он проверил масштаб. Потом ещё раз. Провёл карандашом тонкую вспомогательную линию на кальке, наложил на современный план и замер.

Одна точка легла рядом с НИИ.

Вторая — с лавкой.

Третья — со спорным участком, который по совету Лебедева он вынес в примечания.

Марк раскрыл гримуар и записал:

«Совпадение линий: НИИ — лавка — старое русло. Недоказано. Проверить по независимым источникам. Возможно, пластина не карта, а схема связей/маршрута».

Он положил ручку.

Под его записью на странице гримуара проступила строка:

«Спящая вода помнит дорогу».

— Это объяснение?

«Нет».

— Тогда что?

«Запись».

— Чья?

«Теперь твоя».

— Очень удобно. Ты ещё и авторство перекладываешь.

«Я дневник. Я храню то, что появляется».

— Само появляется?

«Иногда».

— А иногда?

«Иногда кто-то пишет через меня».

Марк убрал руку со страницы.

— Кто?

«Не знаю. Сейчас — ты».

Он закрыл учебник и придвинул к себе гримуар.

— У тебя был прежний владелец?

Страница долго оставалась пустой.

«Да».

«Сатору Ямасита».

Имя держалось достаточно долго, чтобы Марк успел прочитать его несколько раз.

— Японец?

«Да. Кажется».

— Кажется?

«Многое стёрто. Видишь пустые страницы? С памятью то же самое».

— Что ты помнишь?

Строки появлялись по одной:

«Руки.

Дождь.

Бумажные стены.

Запах дыма на одежде.

Красную нить на запястье.

Он смеялся тихо».

Последняя строка исчезла быстрее остальных.

— Что с ним случилось?

«Не знаю».

«Наверное, я виноват».

— В чём?

«Не помню. Хуже всего, что не помню».

Марк хотел спросить разом обо всём: кто стёр страницы, как Грим попал в Петербург, при чём тут отец. Но вслух спросил совсем другое.

— Ты скучаешь по нему?

Строка появилась почти сразу.

«Да».

Марк всё ещё видел в памяти последние три слова: «Он смеялся тихо». Так мало Гриму от него осталось. Взгляд сам собой ушёл к лежавшим на столе листам с отцовским почерком.

— Ты хочешь его найти?

«Хочу понять, что с ним. Если жив — найти. Если нет — помнить правильно».

За приоткрытой дверью тётя Валя что-то говорила на кухне. Из-за радио слов было не разобрать.

— А я тебе зачем?

«Каждому неофиту нужен гримуар».

— И всё?

«Ты слышишь. Ты видишь. У тебя уже есть предметы. И отец оставил след».

Марк медленно повернулся к книге.

— Ты знаешь моего отца?

Буквы проступили не сразу:

«Нет».

«Но след похож на путь».

— Какой ещё путь?

«Твой. Его. Возможно, Сатору. Я не знаю. Пока».

— Ты многого не знаешь.

«Я стёрт. Но не пуст».

Эта фраза осталась на странице чуть дольше обычного.

Ещё утром Марк мог оставить книгу в лавке и уйти. Теперь он знал имя Сатору и ждал, когда Грим заговорит о нём снова.

— Ладно. Ты мой гримуар. Уговорил.

«Хорошее начало, минай-нари».

— Без этого слова.

«Хорошее начало, Марк».

— Уже лучше.

На странице появилось ещё несколько слов:

«Открой дальше. Я покажу, что помню. Немного».

Марк придвинул блокнот: вдруг понадобится что-нибудь записать.

— Показывай.

«Тогда не закрывай глаза».

Марк ждал новых строк. Вместо этого от середины листа поползла тень.

Бумага посерела и засеребрилась, словно стекло под дождём. По ней шли тонкие вертикальные чёрточки. Марк сперва принял их за волокна, а они двигались. Дождь и в самом деле лил, с той стороны листа. Марку казалось, он стоит под навесом, в шаге от струй воды.

Лампа у самого его локтя продолжала светить. За дверью ходила тётя Валя, во дворе проехала машина. Всё это Марк слышал, пока смотрел на другую улицу.

Узкая улица. Деревянные дома с тёмными крышами. Каменная канава вдоль тротуара, по которой бежала мутная вода. Бумажные фонари под навесом маленькой лавки. Иероглифы на вывеске. Марк не мог их прочитать, но ощущал, что гримуар помнит их смысл без слов.

На пороге лавки стоял молодой мужчина.

Ему было, наверное, лет двадцать пять или чуть больше. Невысокий, худой, в тёмном пальто, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Он держал под мышкой свёрток, прикрытый от дождя полой пальто, и смотрел на улицу так, будто ждал кого-то и уже понимал, что тот не придёт. На левом запястье у него была красная нить.

На полях проступило имя: «Сатору».

Сатору вошёл в лавку.

Внутри было тесно. Полки с книгами, ящики с бумагой, кисти, связки тонких дощечек, старые коробки с печатями. За прилавком сидел пожилой человек и что-то писал в тетради. Он не поднял головы, только сказал несколько слов. Марк не разобрал ни слова. Грим перевёл ему с небольшим опозданием.

Поздно пришёл.

Сатору ответил. На этот раз Марк не понял ни слова, но почувствовал, как тому стыдно за опоздание, как он устал и всё же упрямится, злясь на себя.

Пожилой человек поднял голову и положил на прилавок книгу. Марк всмотрелся. Неужели Грим?

Тёмный переплёт, медные уголки, пустой корешок. На сгибах кожа ещё не потемнела, медь блестела. Сатору долго смотрел на книгу. Сегодня утром сам Марк точно так же стоял в петербургской лавке и прикидывал, успеет ли отказаться.

Пожилой человек сказал что-то ещё.

«Каждому минай-нари нужен свидетель».

Сатору взял книгу.

В этот момент изображение изменилось. Дождь стал громче, лавка отступила, и Марк увидел комнату с татами, низким столом и раздвижными бумажными стенами. На столе лежал гримуар, рядом — кисть, чашка с тушью, несколько тонких листов с расчётами. За окном была ночь. Сатору сидел на полу, согнувшись над страницей, и писал.

Почерк у него был быстрый, плотный. Иногда он останавливался, сжимал пальцы, растирал запястье с красной нитью и снова наклонялся к листу. На странице появлялись схемы: круги, линии, углы, знаки, похожие на те, что Марк видел на пластине и тессере. В одном углу была нарисована арка. Очень простая: две опоры, верхний свод, линия воды под порогом.

«До чего же он устал», — подумал Марк.

«Он устал давно».

Ответ пришёл прямо в голову. Так Грим впервые отозвался в лавке: «Я твой гримуар». Теперь голос едва слышался.

Сатору поднял голову.

За бумажной стеной кто-то стоял.

За перегородкой Марк различил прямые плечи и длинные волосы. Женщина занесла руку к бумажной стене и остановилась. Сатору прикрыл ладонью записи.

— Акико.

Имя Марк понял без перевода.

Женщина вошла. Лицо в памяти Грима расплывалось, как на подмокшей фотографии, но Марк различал каждое её движение. Она села напротив, положила на стол маленький свёрток, развязала ткань. Внутри лежала медная пластинка, похожая на знакомую Марку закладку. Линии на металле были свежими, без потёртостей.

Сатору отодвинулся.

Акико заговорила, коротко и резко, Сатору ответил, едва шевеля губами. Грим успел перевести совсем немного. Она просила Сатору остановиться. Он ответил, что уже поздно. Она не верила. Он и сам себе не очень верил.

«Она знала раньше него».

— Что знала? — спросил Марк.

«Что он идёт не туда».

Теперь Сатору стоял в другом месте: каменный берег, ночная вода, низкие облака, дальние огни. Ветер прижимал к телу мокрое пальто. Рядом с ним было несколько человек, но их лица не удерживались. Один — высокий, в светлом плаще. Другой — старше, с перевязанной рукой. Женщина с красной нитью на запястье стояла чуть поодаль. Акико, понял Марк, хотя лицо снова расплывалось.

На камнях были начерчены линии.

Линии посверкивали медью на мокром камне. Посредине лежал раскрытый гримуар. За ним чернела вода.

Сатору опустился перед книгой на колени и положил ладони по обе стороны от разворота.

У Марка заломило озябшие пальцы. Он сидел у себя дома в сухой рубашке, а чувствовал на руках насквозь промокшие рукава Сатору, его изнеможение и страх. Сатору дышал часто, ровно.

— Что он делает? — спросил Марк.

«Открывает переход».

Марк покосился на папку с отцовскими расчётами.

«Переход».

Портал. Он не стал произносить это вслух.

Изображение дрогнуло, и на секунду всё засветилось так ярко, что пришлось сощуриться. Вода поднялась ровной стеной, словно кто-то поставил её поверхность на ребро. В ней мелькнули огни, чужое небо, белый берег, дерево с красными листьями. Кто-то закричал.

Сатору обернулся. Марк наконец разглядел его лицо, бледное, мокрое, и широко раскрытые тёмные глаза. Что-то пошло не так, Сатору уже знал это. Акико бросилась к нему. Высокий в светлом плаще перехватил её за руку. Сатору крикнул, и тут у Марка перед глазами всё потемнело.

Бумага снова стала белой.

Руки Марка по-прежнему лежали на краю стола. В комнате было тепло, лампа ровно светила, чай в чашке остыл. За дверью тётя Валя выключила радио. Ещё несколько секунд именно комната казалась ненастоящей.

«Дальше плохо».

— В каком смысле «плохо»?

«Пусто. Шум. Боль. Потом очень долго никого».

— Сатору выжил?

«Не знаю».

— А Акико?

«Не знаю».

— Только это и осталось?

«Только обрывки».

Выспрашивать дальше Марк не стал. Грим сам хотел бы знать, чем кончилась та ночь.

— Почему ты оказался здесь?

Страница оставалась пустой дольше обычного.

«Меня передавали. Прятали. Открывали редко. Потом я спал. Потом лавка. Потом ты».

— И тессера?

«Допуск. Или остаток допуска. Не помню точно».

Марк отодвинулся от стола. В чёрном окне отражались лампа и его собственное лицо. За отражением он едва различал двор.

Потом медленно закрыл гримуар, оставив ладонь на обложке.

— На сегодня хватит.

Под ладонью чуть потеплела обложка.

Он убрал руку.

Глава 4

Марк несколько раз просыпался за ночь. Перед глазами всё стоял молодой человек с красной нитью на запястье, за его спиной шёл дождь, и Марк долго не мог понять, откуда в комнате появилась бумажная стена. Понемногу он различал знакомый шкаф, лампу на столе, за окном — тёмный двор.

Утром, ещё до умывания, Марк проверил стол. Всё как с вечера: пластина, ключи с тессерой, папка с отцовскими расчётами, тёмно-зелёный учебник, а рядом с ним — закрытый Грим.

Марк положил ладонь на обложку.

— Грим?

Он подождал, провёл пальцами по тёплым медным уголкам, потом открыл книгу на первом чистом развороте. Страницы оставались белыми.

— Спишь?

Марк закрыл книгу. Пусть. Со вчерашнего вечера он и так успел порядком Грима измучить.

Он открыл блокнот и записал новый список:

«1. Оформить отпуск. 2. Продолжить упражнения. 3. Проверить карту НИИ — лавка — старое русло. 4. Разобрать отцовские листы. 5. Не делать выводов заранее».

Последний пункт он подчеркнул.

На кухне тётя Валя в старом халате подпевала радио. Пока Марк шёл к столу, она успела расставить чашки и тарелки, достать варенье. На сковороде шкворчали гренки с яйцом. Чайник остывал на подоконнике возле банки с ветками.

— О, явился! Садись, садись. А я уж думала, учёные совы до обеда спят. Тебе сегодня в институт?

— Да. Нужно кое-что оформить.

— Что ещё оформить? — Она обернулась с лопаткой в руке. — У вас, как начнут оформлять, потом три дня за подписью бегай.

— Отпуск.

Тётя Валя так и застыла с лопаткой в руке. Потом взмахнула ею, и гренка едва не слетела со сковороды.

— Господи, ну наконец-то! Я уж думала, твой Лебедев тебя до зимы не выпустит. На сколько берёшь? Да садись ты, горячее же.

— Две недели.

— Две недели! Ну, хоть отоспишься. А то вид у тебя, будто ты всю ночь с покойниками карты сверял.

— Очень утешительно.

— А ты в зеркало заглядывал? Ишь, глянул сычом. Ешь давай.

Она поставила перед ним тарелку и тут же подвинула соль, хотя Марк ещё не успел взять вилку.

— Лебедев ещё не подписал.

— Ой, подпишет. Что твои две недели… Ты ж даже в санаторий не едешь, хоть бы на танцы там сходил. В Кисловодск бы тебя. Или в Выборг, там тоже хорошо. Поел бы этих… как их…

— Крендели.

— Вот, крендели. А то сидишь здесь, как будто к батарее привязан.

— Мне дома надо поработать.

— Ну, началось. Отпуск ему нужен, чтобы поработать. Марк, будешь до ночи над своими речками сидеть — приду к тебе под дверь с кастрюлями. Я предупредила.

Марк усмехнулся и начал есть.

— Я понял.

— Слышу я, как ты понял. Ты яблоко возьми. И бутерброды. Подожди, а шарф-то где?

— Сегодня тепло.

— Тепло у него. Осень на дворе, а он как первый год живёт.

Марк доел гренку и задержался за столом, пока тётя Валя ворчала насчёт шарфа.

Лебедев долго рассматривал заявление. Так он обычно изучал карты сомнительного происхождения.

Наконец профессор потянулся за ручкой.

— Если нужны будут ещё дни, позвоните заранее. — Он подписал заявление и подал Марку. — Только не в последний день, пожалуйста.

— Хорошо.

— И отдохните по-человечески. Вас я знаю: лишь бы где-нибудь поработать.

— Постараюсь.

— Знаю я, как вы отдыхаете, — пробормотал Лебедев, надевая очки.

В кадрах не работал принтер. Потом понадобилась ещё одна подпись, а сотрудница с печатью отлучилась «буквально на минутку». Пока она вернулась, Марк успел изучить всё объявление о пожарной безопасности. Наконец дела были улажены. Марк задержался на лестнице. В коридоре по-прежнему пахло мокрой одеждой, хлопали двери, шла обыкновенная институтская жизнь, к которой неделю назад ему и в голову не пришло бы так прислушиваться.

Ольга из картографического отдела встретилась ему у архивной комнаты. В руках у неё была папка с голубой обложкой.

— Вы правда в отпуск? — спросила она. Марк кивнул.

— Тогда хорошего отдыха.

— Спасибо.

Она чуть помедлила.

— Марк Андреевич… Если в частном каталоге попадётся подходящий лист, вы с ним поосторожнее. Не давайте на него ссылку сразу.

— Лебедев уже говорил.

— Знаю. Просто… пусть лучше вы это два раза услышите.

Ольга ушла, прижимая папку к груди. Марк не успел её окликнуть.

Домой он вернулся после двух.

Тётя Валя поставила перед ним куриный суп и пирожок с капустой.

— Подписал? — Марк кивнул.

— Ну вот. А ты переживал. Садись, суп горячий.

За обедом она успела расспросить Марка, чем его кормили в институте, пожаловаться на подорожавшее масло и вспомнить про почту на квартире. «Да ладно, — оборвала она себя. — Хоть в первый день отпуска от меня отдохнёшь».

Вернувшись к себе, Марк поставил чайник, приоткрыл окно и убрал со стола бумаги. Начал с упражнения, которому накануне учился по книге.

Так потянулись дни отпуска. После завтрака под надзором тёти Вали — час над картами и упражнение с ладонями. Днём Марк читал через пластину «Практическую магию», делал выписки, сверял пометки отца со старыми картами. Вечерами повторял упражнение и оставлял в Гриме запись за день.

За разбором записей Грим перешёл с ним на «вы».

«Слишком много усилия».

«Запишите как есть, а не как хотелось бы».

«Минай-нари, вы опять спорите с тем, что чувствуете».

— Да чувствую я. Я с тобой спорю. Слышал бы ты себя со стороны.

«Записано».

На третий день Грим попросил положить раскрытую «Практическую магию» поверх его страниц.

— Зачем?

«Я могу её съесть».

Марк несколько секунд смотрел на строку.

— А читать мне потом что?

«Книгу. Я заберу накопленную в ней силу и запомню написанное. Буквы вам оставлю».

Марк всё же перелистал учебник, задержался на своих пометках. Потом положил его на разворот Грима, рядом — медную пластину и тессеру. Под пальцами потеплела кожа переплёта. Между страницами прошла слабая дрожь и стихла. Грим молчал почти час.

Марк несколько раз подходил к столу. Наконец не выдержал, поднял учебник и проверил страницу с первым упражнением. Всё осталось на месте: строки, схема, его кривоватый вопросительный знак на полях. Через пластину текст читался так же, как прежде.

«Лучше», — написал Грим.

Марк ещё смотрел на эту строку, а под ней уже появилась другая:

«У вас здесь есть ещё книги. Принесите».

Марк посмотрел на стеллаж. Там стояли отцовские тома по гидрологии, картографии, старые справочники и несколько книг по архитектуре.

«Не эти. Выше. Я чувствую».

Выше были антресоли в коридоре, куда Марк не залезал уже много лет. Он подставил табурет и открыл дверцы. Пахнуло пылью, сухой фанерой и старой одеждой. Пришлось вытащить чемодан с зимними вещами, коробку с ёлочными игрушками, папку с пожелтевшими квитанциями. Марк уже собирался спуститься, когда пальцы ушли глубже, чем позволяла задняя стенка. Он отдёрнул руку. Перед глазами была всё та же фанера.

За пластиной пришлось вернуться в комнату. Марк снова встал на табурет и медленно провёл медью перед стенкой. Фанера дрогнула, стала полупрозрачной. За ней лежал плоский свёрток в серой ткани, перевязанный шнуром. На узле виднелись три точки и короткая дуга.

Марк снял свёрток и отнёс к себе. Внутри оказалось пять книг: «Магическая анатомия», «Теория магии», «Магическая медитация», «Магическая гемология» и «Артефакторика». Плотные переплёты, потёртые уголки, названия без украшений. Он провёл большим пальцем по корешку «Теории магии». Всё это лежало дома, в нескольких шагах от его комнаты.

— Отец, — сказал Марк тихо. — Ну конечно.

Грим вывел на странице:

«Они подходят».

— Подожди. Я сначала посмотрю.

«Посмотрите. Особенно „Артефакторику“».

До вечера Марк разбирал находку. Позже по одной клал книги на раскрытого Грима; после каждой тот отзывался охотнее, всё чаще отвечал прежде, чем Марк успевал договорить. Книги оставались целыми и читаемыми.

В следующие дни Грим указывал ему отдельные страницы. В «Теории магии» — о связи оператора с полем, в «Магической медитации» — о концентрации и созерцании. Марк читал, возвращался к началу, закладывал непонятные места полосками бумаги. Слова «утрата ощущения отделённости» он мог повторить, но представить, что за ними стоит, не получалось.

В «Артефакторике» Грим велел отметить раздел о личном следе оператора и привязке к носителю. Марк перечитал страницу, скопировал в блокнот простую схему контура. На следующей было пояснение, зачем при некоторых действиях нужна кровь. Он поморщился, но прочёл и его.

— И это мне когда-нибудь пригодится?

«Сначала запомните, где искать».

Марк оставил между страницами закладку. Прочитать всё за отпуск он явно не успевал. Пока хватало того, что после нескольких попыток удавалось почувствовать между ладонями.

Тепло между ладонями теперь появлялось почти сразу. Марк уже мог удержать и ощущение упругой плёнки. Порой между ладонями словно плескалась тёплая вода. Бывали и такие дни, когда он сводил ладони с прежней осторожностью и всё равно ничего не чувствовал. Таким записям Грим обычно давал одну оценку:

«Шум сильнее сигнала».

Две монеты на столе по-прежнему лежали неподвижно. Иногда Марк улавливал между ними что-то тонкое, как нить. Он точно чувствовал, где она проходит. Но стоило чуть напрячься, и перед ним снова были две монеты на столе.

«Не дави. Слушай».

— Ты это уже писал.

«Вы уже забывали».

Разделы «Практической магии» про M_bio и M_info он читал медленно, возвращаясь к определениям. Учебник всё ещё предлагал наблюдать за откликом. А Марку уже хотелось хоть раз увидеть, как монеты сдвинутся с места.

После первых занятий он подолгу сидел и над картами. Перенёс на кальку старые русла и подземные пустоты, заново привязал спорный участок, лавку, НИИ, отцовскую отметку. Привязку проверял самую обыкновенную, по масштабу. Как ни манило красивое совпадение, рядом с ним приходилось писать карандашом: «Не доказано».

Один раз Грим вывел под такой пометкой:

«Полезный рефлекс».

— Это от Лебедева.

«Тогда Лебедев полезный человек».

К концу первой недели Марк впервые заметил, что почти не думает о колене.

Совсем боль не прошла. Нога уставала после долгой ходьбы, глухо ныла в сырую погоду, зато по утрам легко было вставать с постели. Ещё бы: впервые за долгое время он высыпался, а прожить весь день на кофе тётя Валя ему теперь не давала.

На десятый день отпуска позвонил Лебедев.

— Зайдите за копиями. Мне бы не хотелось оставлять их в общем обороте.

Заглянуть в институт хотелось и самому Марку. Перед выходом он остановился у стола.

Брать ли Грима? Там придётся весь день держать сумку на виду, а ну как он заговорит при ком-нибудь? Грим лежал рядом с «Практической магией», с утра тихий.

Он положил ладонь на обложку.

— Я на работу.

На тёмной обложке, прямо под рукой, проступили буквы:

«Будь внимателен».

Марк дождался, пока буквы исчезнут.

— К чему именно, Грим?

Вахтёр кивнул, не спросив, почему отпускник явился раньше времени. В журнале лежала та же дешёвая ручка на верёвке. В буфете звякали стаканы, в коридоре спорили о папке с промерами, у окна кто-то ел бутерброд, стараясь не сыпать крошками на подоконник.

Пока Марк шёл по коридору, ему вдруг пришло в голову, что за всё время он почти не видел здесь компьютеров. У Ольги в отделе бумаги да карточки. Для хранения старых планов купили климатические шкафы и осушитель, а каталог в архивной комнате деревянный, с латунными ручками. У самого Лебедева на столе лежат карты, лупа и карандаши.

Копии по Адмиралтейской стороне принесла Ольга. Она отделила новый лист от старого описания и отложила в сторону сомнительный экземпляр. Когда Марк спросил об электронной базе, рука у неё замерла на папке.

— Есть служебная, — сказала она.

— Где?

— Внизу. В канцелярии доступ дают, если нужно.

— А вы ей пользуетесь?

— Иногда.

— Но работаете по карточкам.

— С карточками быстрее, — перебила она.

Марк не стал давить. Он отнёс копии к себе, сделал несколько пометок, потом пошёл к Лебедеву.

На столе профессора среди карт и карандашей блестела узкая металлическая линейка.

— Можно?

— Да, входите.

— Я не по поводу таблицы.

Лебедев снял очки.

— Слушаю.

Марк сел, но папку не открыл.

— Почему у нас почти нет рабочих компьютеров?

— Почти?

— У научных сотрудников. В кабинетах. В архивной комнате. Даже у вас.

— И давно вас это занимает?

— Десять дней от вас отдохнул, вот и заметил.

Марк посмотрел на карты в защитных конвертах.

— На архивные шкафы у нас деньги находятся. На копии, оборудование. Не думал, что исследования старых русел так хорошо финансируют.

— Вы удивитесь, во что городу иногда обходится засыпанное русло.

— Даже то, от которого осталась запись на плане?

— Меня интересуют и такие.

— И что же вы там ищете?

Лебедев ответил не сразу.

— Нашли работы отца?

Марк крепче прижал к коленям закрытую папку.

— С чего вы решили?

— Не из-за компьютеров вы ко мне пришли, Марк. Нашли что-нибудь?

— Это связано?

— Возможно.

Марк откинулся на спинку стула.

— Я нашёл некоторые записи. Дома.

— Какие?

— Расчёты.

— По гидрографии?

— Нет.

Лебедев смотрел на него внимательно, без нажима.

— В расчётах есть хоть что-то, что вам удалось проверить?

— Это я у вас хочу спросить. Вы-то знали, чем он занимался?

Профессор помолчал.

— Вы застали меня врасплох, Марк. Вы сами знаете, что такое секретность.

— А вы правда думаете, мне сейчас надо объяснять, что это такое?

— Нет, конечно. Прежде придётся запросить для вас допуск.

— Значит, всё-таки знали?

— Частично.

— Его работа связана с исчезновением?

— Марк.

— Я правильно вас понял?

— Я пока ничего вам об этом не сказал.

— Что вы здесь на самом деле ищете? — спросил Марк.

Профессор помедлил с ответом.

— Старые русла. Подземные пустоты. Историко-гидрологические аномалии.

— Извините, это можно и в моём отчёте прочесть. Для чего вам эти русла?

— Чтобы проследить проводящую линию. Русло засыпали, дом над ним построили, улицу три раза успели переименовать, а линия осталась. Вот это «осталась» нас и занимает.

Марк тихо сказал:

— Спящая река.

Лебедев поднял глаза.

— Где вы услышали это выражение?

— Прочитал в отцовских бумагах.

Про Грима он умолчал.

— Он его употреблял, да. В отчёт «спящую реку» не вставишь.

— Что это значит?

— Это наше название. Даже если река исчезла, геолог ещё прочтёт её след. Гидролог — тоже. Историк покажет вам старый план. А иногда мы находим в таком месте нечто ещё.

— Что именно?

— Для начала мне нужна методика, которая это подтвердит, Марк. Потом подберём слово.

— Поэтому у вас нет компьютеров?

Лебедев едва заметно усмехнулся.

— Посмотрите на сгиб, Марк. Видите, линия здесь чуть продавлена? На снимке вы её не отличите. С оттенком чернил то же самое. Подлинник можно повернуть к свету и заметить, где картограф что стёр, какой линией прошёл потом. Поэтому я работаю с бумагой.

— А кто за всё это платит?

— Закрытая программа.

— По старым рекам.

— По подземным рискам исторического центра.

— Удобная формулировка.

— Да. Под неё мы и получаем деньги.

Марк поднялся.

— Вы могли сказать раньше.

— Мог.

— И?

— Не сказал.

В коридоре было прохладнее. Марк прошёл несколько шагов и остановился у окна, чтобы убрать бумаги в сумку. За спиной раздалось:

— Марк Андреевич.

Ольга стояла у двери картографического отдела, сцепив пальцы. Обычно под мышкой у неё была папка.

— Да?

Она приблизилась настолько, чтобы Марку не пришлось переспрашивать.

— Вам лучше сегодня уйти домой.

— Что-то случилось?

— Не знаю. Просто уйдите.

Она говорила тихо, почти не двигая губами. Очки сползли чуть ниже обычного, и она не поправляла их.

— Ольга, я не понимаю.

— И хорошо. Идите домой. А лучше вообще… — Она запнулась. — Увольтесь, Марк Андреевич. И уезжайте, если можете.

Ещё один вопрос — и ей придётся либо рассказать больше, либо ему солгать.

— Понял.

— Нет, — ответила она сразу. — Но… ладно.

— Извините. Мне пора.

Она быстро ушла в отдел.

Домой он вернулся раньше обычного.

Тётя Валя была на кухне и чистила морковь. Увидев его, она сразу посмотрела на часы.

— Уже?

— Работы мало.

— Это в вашем НИИ такое бывает?

— Сегодня бывает.

Марк прошёл к себе и закрыл дверь.

Марк поставил сумку на стул, вытащил копии. Работа шла по закрытой программе. Слова Лебедева о спящих реках всё ещё были у него в ушах. Раз отец ими занимался, с какой стати он, Марк, до сих пор сидит над институтскими копиями?

Он подошёл к стеллажу.

Сначала снял отцовские книги по гидрологии, потом старые атласы, потом коробку с картами, которую давно не открывал. Внутри лежали блокноты, советские библиотечные карточки, конверты с негативами, калька, сложенная вчетверо, и маленькая записная книжка с потрескавшейся обложкой.

На полях нескольких страниц стоял один и тот же маленький знак: три точки и короткая дуга. Он видел его раньше — на медной пластине, на тессере, в защищённых строках учебника.

Марк разложил кальку на столе. Первый лист — линии старых русел. Второй — контуры подземных пустот и провалов, подписанные отцовским почерком. Третий казался почти пустым: точки, короткие штрихи и те же дуги.

Он наложил первый лист на карту старого города. Потом второй. Потом третий. Масштаб был неточным, бумагу повело, линии ложились неидеально. Марк прижал углы книгами, достал линейку и начал проверять привязку.

Из всех отметок его занимали теперь три.

Одна, с поправкой на масштаб, опять пришлась возле НИИ.

Вторая — неподалёку от книжной лавки.

Третья — на старом русле, которое в его таблицах всё время давало расхождение.

Позади тихо зашуршало. Грим сам открылся на чистой странице.

«Спящая вода помнит дорогу».

Марк потянулся к отцовскому блокноту, когда в коридоре зазвонили.

Звонок дребезжал долго и смолк с жестяным призвуком. На кухне стукнула посуда.

— Да иду я, иду, господи, чего трезвонить-то! — донеслось из кухни.

В коридоре щёлкнул замок, потом заскрипела входная дверь.

— Вам кого? — спросила тётя Валя уже другим голосом, не грубо, но настороженно.

Ответ был женский, низкий, спокойный. Марк не разобрал слов, но уже поднялся.

— Марк, — позвала тётя Валя. — Это к тебе.

Он вышел в коридор.

На пороге стояла она. Сегодня без красного — в тёмном плаще, влажном на плечах, в перчатках. Он узнал её по тёмным глазам, по скулам и почти не тронутым помадой губам. У висков из причёски выбились мокрые прядки.

— Нам нужно уходить.

— Марк, ты её знаешь? — спросила тётя Валя.

— Нет, — сказал Марк.

Он видел её, искал, пытался догнать. А сейчас, когда надо было объяснить тёте Вале, кто пришёл, не мог назвать даже имени.

— Здесь через несколько минут будет опасно, — сказала женщина.

— Что значит опасно? Кто вы?

— Гримуар с собой, тессеру тоже. И то, что нашли сегодня. Расскажу, когда выйдем.

— А ну-ка стоп, — вмешалась тётя Валя. — Марк, что это ещё за сборы?

Марк не знал, что ей сказать. Откуда этой женщине могло быть известно, что он нашёл сегодня в отцовской коробке?

Из дальней комнаты вышла Клавдия.

Марк редко видел соседку. Сухая, узкоплечая, лет пятидесяти с небольшим, с аккуратно заколотыми волосами и вечно усталым лицом. Клавдия здоровалась, проходила к себе и в кухонные разговоры почти не вступала. Сейчас она была в старом домашнем халате, но шла быстро, будто точно знала, кто стоит в коридоре.

— Вот и дождались, — сказала Клавдия.

Марк впервые слышал от неё такой голос.

Тётя Валя обернулась.

— Клавдия? Ты чего это?

Соседка даже не повернула головы. Она смотрела на женщину в плаще.

— Уходишь с ним? Так просто? Среди дня, через общую дверь?

Женщина чуть сдвинула плечо, закрывая собой Марка.

— Отойдите.

Клавдия тихо рассмеялась.

— Столько лет молчала. Старик пропал — ты молчала. Мальчик вырос, эта дура старая ему супы грела. А теперь пришла и думаешь — можно?

— Клавдия, рот прикрой, — резко сказала тётя Валя. — Совсем с ума сошла? Что ты несёшь?

— Валька, не лезь, — сказала Клавдия и наконец повернула к ней лицо. — Тебя тут вообще давно быть не должно.

Лампочка над вешалкой вспыхнула и потускнела. По стене потянулись острые тени от пальто. Клавдия подняла руку к волосам. Между пальцами у неё сгустился серо-зелёный дым.

Марк потянулся к боку, где когда-то носил оружие. Пусто. Он прижался левым плечом к стене, поискал глазами тётю Валю. Вешалка, зонт, тумба с обувью — всё, что было под рукой. А что прикажете делать с этим зелёным дымом?

Женщина в плаще ударила первой. Она шагнула, перехватила движение Клавдии раскрытой ладонью и развернула кисть в сторону стены. Сгусток сорвался, ударил в старые обои у потолка, обои вздулись пузырём и почернели по краю. По коридору резко пахнуло озоном, жжёной пылью и чем-то кислым.

— В комнату! — бросила женщина Марку.

Но он не двинулся.

Тётя Валя всплеснула руками и шагнула к Клавдии, с таким возмущением глядя на обгорелые обои, будто сейчас потребует с соседки деньги за ремонт. Этот её взгляд Марк запомнил.

— Ах ты ж дрянь такая! — сказала она Клавдии.

— Не трогайте! — резко крикнула женщина в плаще.

Клавдия дёрнула второй рукой.

Из-под рукава метнулась нить, тонкая, почти невидимая. Женщина в плаще заслонилась прозрачной дугой. В неё ударила нить, по полу рассыпались шипящие искры. Один конец хлестнул там, где стояла тётя Валя. Марк так и не разобрал, коснулся ли он её.

Тётя Валя коротко охнула.

Марк обернулся. Тётя Валя уже падала. Ударилась плечом о стену и сползла на пол. Так и осталась сидеть, подвернув под себя руку. Лицо у неё было удивлённое, почти сердитое.

Она глянула на Марка так, что он чуть не услышал её кухонное «Не стой столбом». Рот у неё так и не открылся.

— Тётя Валя?

Клавдия снова вскинула руку. Марк мельком увидел, как дрогнуло её запястье, как мелькнул синий ободок. Соседка выкрикнула незнакомое слово. У её губ клубился чёрный дым, женщина в плаще уже стояла вплотную и что-то тихо говорила, прижав ладонь к её груди.

Клавдию бросило назад.

Она ударилась спиной о косяк, потом сползла на пол почти без звука. Рот остался приоткрытым. Глаза смотрели в потолок.

В коридоре стало тихо.

Марк опустился рядом с тётей Валей. Нашарил на шее место, где должен биться пульс. Ничего. Сдвинул пальцы, подождал. Кожа была тёплая, как всегда. Он ещё подождал.

— Нет.

Женщина в плаще стояла рядом, всё ещё тяжело дыша. На щеке у неё темнела капля крови.

— Марк.

— Замолчи.

— Нам нужно уходить.

Он не поднял головы.

— Она мертва.

— Да.

Марк медленно повернулся к ней.

— Ты привела это сюда.

— Они уже были здесь.

— Кто они?

— Потом.

— Нет.

Она присела так, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Вы хотите вызвать скорую, полицию. Позвонить Лебедеву. Я понимаю. Но сюда придут другие раньше, чем кто-нибудь к вам приедет. Марк, встаньте.

Прядь седых волос прилипла тёте Вале к щеке. На вороте халата осталась хлебная крошка.

Женщина сказала тише:

— Пожалуйста.

Марк убрал руку с шеи тёти Вали и поднялся. Пошатнулся, едва не ударился плечом о стену. Женщина взяла его под локоть, но он резко высвободился.

— Не трогай.

— Хорошо. Тогда идите сами.

По пути в комнату он уже знал, что брать.

— Грим.

— Возьмите его, тессеру и папку, — сказала она. — Быстро.

— Я сам знаю.

На столе белел открытый разворот Грима. Марк подхватил книгу и папку с листами, взял ключи с тессерой. Пластину сунул между страницами «Практической магии» и прихватил её тоже.

Он вернулся в коридор.

На этот раз женщина потянула его за рукав.

— Теперь — бегом.

Они выскочили из квартиры, оставив дверь распахнутой.

До первой лестничной площадки тянуло гарью от обоев. Где-то кашлянули, хлопнула дверь. К ним никто не вышел.

Женщина почти не оглядывалась, но Марк всё время чувствовал её рядом. Казалось, воздух между ними чуть натянут.

На лестничной площадке она остановилась на полсекунды, прислушалась и резко повела его вниз.

— Лифт? — выдохнул Марк.

— Нельзя.

— Почему?

— А если застрянем?

Марк споткнулся на ступеньке. Колено почти перестало ныть, но к такому бегу нога была не готова. Женщина на миг подхватила его под локоть и тут же отпустила.

— Быстрее.

— Я, мать твою, и так не гуляю.

— Вижу.

На первом этаже из приоткрытой двери выглянула женщина в халате, увидела их и тут же скрылась. Спутница Марка толкнула плечом дверь подъезда. В лицо ему ударил холодный влажный воздух.

Во дворе моросило. Старая тёмная иномарка стояла поодаль от подъезда, в тени арки. На кузове ни одной вмятины, зато грязи хватит на две машины.

Марк остановился.

— Я не поеду, пока ты не объяснишь.

Женщина обернулась.

— Вы хотите вернуться к ней? Марк, ей уже не поможешь. Вернётесь — погибнете рядом. Садитесь.

Марк сел.

Салон пах холодной кожей, старым табаком, металлом и сухой травой. На заднем сиденье лежали серое одеяло, аптечка, плоская сумка с ремнями и длинный предмет в чехле, похожий то ли на зонт, то ли на разобранную трость.

— Пристегнитесь.

— Серьёзно?

— Да.

Он пристегнулся.

Женщина вела машину быстро. Едва впереди начинали тормозить, как она уже находила в потоке просвет и отпускала газ лишь там, где торопиться было некуда. Марк знал эту манеру по службе, по долгим поездкам в колонне.

— Кто вы? — спросил Марк.

— Позже.

— Нет, вот это ваше «позже» уже задолбало.

— Меня зовут Лея.

— Это должно мне что-то объяснить?

— Пока нет.

— Замечательно.

Марк видел её в профиль. На щеке успела подсохнуть кровь.

— Клавдия была человеком?

— Была, — сказала Лея.

— А потом?

— Потом кто-то получил над ней власть. Не полную. А вот как давно — не знаю.

— Удобно. Можно убить и сказать, что это была не она.

— Я вам сказала только, что одной Клавдии такое было бы не по силам. За остальное не поручусь.

Марк отвернулся к окну.

За стеклом проплывали аптеки, светофоры, лица под капюшонами. На остановке люди с пакетами высматривали автобус. А тётя Валя всё ещё на полу у стены. Рядом Клавдия, тихая соседка. Неужели столько лет сидела за дверью и ждала? Или сама ничего не понимала?

— Куда мы едем?

— В лавку.

— К Книжнику?

— Да.

— Он в этом тоже участвует?

— Он остался в лавке. Раз мы едем к нему, вы и сами понимаете.

— Прямо утешила.

— Вы хотите, чтобы я вас успокаивала?

На следующем перекрёстке Лея резко ушла вправо, потом сразу влево, в узкую улицу с односторонним движением. Сзади кто-то длинно посигналил. Она не обернулась.

— За нами погоня?

— Пока нет.

— Тогда почему мы едем так, будто есть?

— Вы хотите её дождаться?

Под его ладонью вздрогнул и потяжелел Грим. У Марка в голове тихонько зашуршали страницы.

«Не спорьте сейчас».

Марк сжал книгу сильнее.

— Ты тоже туда же, да?

Лея бросила на него короткий взгляд.

— Это вы с кем?

— С Гримом.

— С книгой? А что вы услышали?

— Что я не вовремя спорю.

Машина сбавила ход. Сзади посигналили, и только тогда Лея снова нажала на газ.

— Вы можете повторить слово в слово?

— «Не спорьте сейчас». А что?

Она приоткрыла рот и так ничего и не сказала. Марк покосился на неё. Вот уж от кого он ждал объяснений.

— Первый раз такое слышу, — сказала наконец Лея. — Дайте мне хоть доехать.

Машина затормозила.

Витрина книжной лавки была тёмной, на двери висела табличка «Закрыто». Лея припарковалась на соседней улице, у проезда для разгрузки. Там стояли мусорные баки и пахло мокрым картоном.

— Выходим.

— Через главный вход?

— Нет.

Они прошли под моросью вдоль стены, мимо служебной двери, к узкому проходу между домами. За трубой водостока была низкая деревянная дверь с металлической полосой поперёк. Лея постучала три раза. Пауза. Ещё два.

За дверью помешкали. Книжник вышел без жилета, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. Лицо у него было недовольное.

— Вы опоздали.

— Они пришли раньше.

— Кто?

— Носитель в квартире. Соседка.

Книжник посмотрел на Марка.

— Опекун?

Лея ответила не сразу.

— Погибла.

Марк шагнул к Книжнику.

— Её звали Валентина Павловна.

Книжник медленно кивнул.

— Простите. Валентина Павловна.

Марку захотелось его ударить. Как легко тот произнёс её имя. Он стоял в сухом дверном проёме и знал, похоже, всё, а тётя Валя там, у стены. Марк только стиснул папку.

— Нам нужно укрытие, — сказала Лея. — И ход к нижнему руслу.

Книжник посмотрел на улицу за их спинами.

— За вами кто-то идёт?

— Скоро пойдут.

— Вы смогли отсечь след?

— Я отрезала почти всё. Не уверена насчёт квартиры.

— Мне нужно знать, что значит ваше «почти».

— Я и сказала всё, что знаю.

Он посторонился.

— Входите.

Они оказались в задней части лавки, в узком служебном помещении между коробками, стеллажами и старым столом. На столе лежали раскрытые книги, нож для бумаги, моток бечёвки и маленькая лампа под зелёным стеклянным абажуром. Здесь пахло пылью, клеем, кожей и сырой стеной.

Книжник запер дверь на два замка и приложил ладонь к косяку. Медная полоска на двери коротко потемнела.

— Сколько времени? — спросила Лея.

— Несколько минут до первого поиска. Если повезёт, всерьёз за нас возьмутся только через час.

— До нижнего русла успеем?

— Если не будете разговаривать в дверях.

Он повернулся к Марку.

— Гримуар при вас?

— Да.

— Тессера?

Марк показал ключи.

— Здесь.

— Бумаги?

— Часть.

— Значит, часть. Главное, что вы сюда добрались.

— Что ж я такого сделал, что все со мной носятся?

Лея повернулась к Марку, но Книжник ответил раньше неё:

— За вами пришли домой, Марк Андреевич. Мы вас сейчас к нижнему руслу выведем. Уже за это стоит поторопиться.

— Хоть бы один из вас договорил до конца. А то всё по полслова.

— Там, внизу, спрашивайте. Сколько хотите.

Он взял со стола связку ключей. Настоящих ключей там было два, остальные предметы скорее напоминали плоские медные пластинки разной формы.

— В торговый зал не выходим. Через склад. Потом вниз.

— Вниз куда?

— К нижним руслам. Там ещё достаточно силы.

Лея уже двигалась к двери в глубине помещения.

— Значит, вниз, — сказал Марк.

Книжник открыл дверь, за которой начиналась узкая тёмная лестница. Оттуда потянуло холодом, сыростью и старым камнем.

Сначала это был обычный подвальный спуск: старые кирпичные стены, узкие ступени, трубы под потолком, запах сырости, известки и пыли. Лея шла первой, почти не касаясь перил; Книжник за ней держал лампу так, чтобы свет падал Марку под ноги. Ступени были неровные, местами мокрые. Марк пару раз оступился, но удержался сам.

За первой площадкой начались старые складские помещения. Они прошли мимо низких дверей, заставленных ящиками, мимо стеллажей с книгами, завёрнутыми в серую бумагу, мимо стены, где на крюках висели лампы, верёвки, брезентовые сумки и несколько длинных предметов в чехлах.

Книжник остановился у дальней стены, провёл медной пластиной по шву между кирпичами, и часть кладки беззвучно подалась внутрь.

— Сюда, — позвал он.

За кладкой открывался низкий каменный ход.

Вдоль стены темнела узкая полоса воды. Русло здесь когда-то было полноводным, вода успела выгладить его каменные бока. С влажного свода тянуло холодом, ступать приходилось то по известковой корке, то по скользким ржавым потёкам. Вскоре у Марка от холода заныли зубы.

Книжник закрыл проход за их спинами.

— Это старое русло? — спросил Марк.

— Одно из них.

— Под лавкой?

— Под городом. Лавка просто стоит там, где удобно спускаться.

Лея оглянулась.

— Не задерживайтесь.

Сначала Марк слышал только собственное дыхание, шаги и плеск воды. Потом почувствовал в воздухе знакомую упругость — такую, какая появлялась между ладонями во время занятий. Здесь она окружала его со всех сторон. По мере того как они шли, Марк всё отчётливее ощущал её и в камне, и в воде.

— Фон растёт, — сказал он.

Книжник посмотрел на него через плечо.

— Уже чувствуете?

— Да.

— Быстро вы.

— Быстрее, быстрее… Больше я сегодня ничего не слышу.

— Я про то, что вы уже фон различаете, — сказал Книжник.

Лея шла так быстро, что приходилось прибавлять шаг. Правую руку держала свободной. В тусклом свете на пальцах изредка поблёскивали кольца.

— Куда ведёт русло? — спросил Марк.

— К развязке, — ответил Книжник. — Потом к старому водосбросу. Если успеем, уйдёте через северный ход.

— А вы?

— Закрою за вами то, что смогу.

— И останетесь?

— Вернусь в лавку, если город позволит.

Грим под мышкой шевельнулся. Марк крепче прижал книгу к боку.

«Вода помнит».

Фраза прозвучала в голове тихо, почти устало.

— Сейчас не время, — сказал Марк сквозь зубы.

Лея остановилась.

— Он что-то сказал?

— Что вода помнит.

Книжник тихо выругался.

— Значит, мы идём правильно.

— Это хорошая новость?

Книжник не ответил. Они свернули в более широкий ход. Свод здесь поднимался выше, камень уступал место старой кирпичной кладке. Кое-где виднелись заложенные кирпичом боковые арки. Вода исчезла, но под ногами всё ещё тянулся гладкий тёмный желоб.

У Марка загорелись виски, ладони закололо. Возле плеча он почувствовал течение и поднял руку: так же, как дома на занятиях, ему хотелось нащупать его край.

— Не надо, — сказала Лея.

— Я ничего не делаю.

— Пока и не надо. Опустите руку.

Он послушался.

Через несколько минут они вышли к развилке. Посередине стоял низкий каменный столб с отбитыми краями и едва заметными знаками на гранях. Когда-то поток огибал столб с двух сторон и отшлифовал две полосы на камне. Они были похожи на следы ладоней. Сверху, из-под высокого свода, слабо тянуло воздухом.

Книжник поставил лампу на столб.

При свете лампы Марк разглядел на столбе гладкий след воды. И вдруг опять увидел тётю Валю у стены. Наверху, в коридоре, за дверью, которую он оставил открытой.

Грим снова шевельнулся под рукой.

«Вода помнит».

На этот раз Марк не ответил.

В дальнем ходе коротко шоркнуло, словно кто-то осторожно поставил ногу на камень.

Лея подняла руку.

Книжник прикрыл лампу ладонью. На камне осталась узкая полоска зелёного света.

Глава 5

Марк замер на полувдохе. Пока горела лампа, он успел разглядеть свод, углы кладки и старый желоб, от которого тянуло холодной водой. Теперь он только слышал, как рядом шуршит плащ Леи. Где-то далеко упала капля.

Из дальнего хода снова донёсся едва слышный шорох подошвы по камню.

Лея всё ещё держала руку поднятой. Молчать.

Марк стоял чуть в стороне от столба, прижимая Грима к рёбрам и придерживая локтем папку. Он видел и Лею, и Книжника, и ближайший боковой ход. Спрятаться было почти негде. Да и от чего прятаться, он пока не знал.

Книжник не шевелился. Можно было подумать, что он прислушивается к самому камню.

— Трое, — прошептала Лея.

— Не наши, — так же тихо ответил Книжник.

— Я поняла.

У входа показался человек.

Тёмный плащ, мокрый по подолу, капюшон надвинут на лицо. Человек шёл уверенно, ни разу не коснувшись стены. За ним появились ещё двое. Один держался левее, другой встал у самой стены, закрыв выход. Вот эта их неспешность Марку и не понравилась.

Передний остановился у края светового пятна.

— Лея, — сказал он.

Голос был мужской, спокойный и глуховатый, будто он говорил через ткань.

Лея не ответила.

— Оставьте нам книгу с носителем и уходите.

При слове «носитель» Марку свело скулы. Книжник чуть повернул голову.

— В нижних руслах не торгуются.

— Тогда здесь и закончим.

— Погоди, — сказал Книжник. — Здесь русла сходятся. Тронешь одно — остальные не удержу.

Передний чуть склонил голову.

— Значит, не мешайте.

Лея шагнула вперёд. Её правая кисть развернулась ладонью вниз. Пальцем левой руки она на миг коснулась кольца.

— Марк, за столб, — тихо сказала она. — Сейчас же.

Он не успел двинуться.

Передний чуть приподнял руку. Из-под плаща показалась кисть, пальцы разжались, и между ними вспыхнуло оранжевое ядро. На миг огонь замер, а потом сорвался вперёд.

Лея шагнула навстречу.

Огонь не летел по прямой, как пуля. Он выгибался, цеплялся за влажный воздух, распухал на ходу, оставляя после себя рваную светящуюся дорожку. Лея ударила по нему раскрытой ладонью сбоку, и шар ушёл в стену. Камень вспух красным, вода в желобе вскипела, пар ударил Марку в лицо горячей грязной волной.

Марк упал за столб, прикрыв голову локтем. Грим больно вдавился в грудь. Марк ещё пытался следить за всеми тремя, по старой привычке ждал выстрела.

— Не высовывайтесь! — бросила Лея.

Второй преследователь двинулся. От его пальцев пошли тонкие зелёные нити, почти неразличимые в темноте. Они скользнули по камню, как корни, и потянулись к столбу. Книжник ударил медной пластиной по грани камня. На старых знаках вспыхнула тусклая синяя линия. Нити дёрнулись и почернели по краям, но не исчезли.

— Быстрее, Лея, — сказал Книжник уже громче. — Они режут развязку.

— Вижу.

Лея выставила ладонь, а другой рукой прочертила в воздухе короткую дугу. Перед ней взметнулась прозрачная стена, неровная, будто завеса воды под ветром. В неё ударил второй огненный сгусток. Стена прогнулась. Лея пошатнулась, но удержала её.

Грим в руках Марка внезапно стал тяжёлым.

Марку пришлось подхватить книгу обеими руками. Её тянуло вниз, к воде, будто чужой огонь разбудил под камнем что-то старое и оно звало Грима. И тут Грим закричал.

Голос ударил прямо в голову. Марк едва не выронил книгу.

«Это он!»

Марк сжал зубы.

«Это он, Марк. Он виноват. Он был там».

Подземный ход потускнел. Марк всё ещё видел Лею, троих в плащах, лампу на столбе, но сквозь них уже проступала другая ночь.

На каменном берегу темнела вода.

Над ней кружились огоньки, похожие на лепестки весенних цветов.

Сатору стоял у раскрытого гримуара.

Бледный, в тёмной одежде, с красной нитью на запястье. Он говорил быстро, почти захлёбывался, не отрывая глаз от страниц, будто больше всего боялся сбиться. Рядом стоял отец Марка. Уже немолодой, но такой же крепкий и прямой, в своём пальто. Марк сразу узнал его лицо. По другую сторону круга стояла женщина, смутно похожая на Лею. Только старше. Тот же сосредоточенный взгляд, но сколько в нём усталости и какой-то материнской строгости.

Перед Сатору на камне медленно расширялся светящийся круг. Сквозь него проступало небо другого цвета.

Из тени между камнями вышли двое. Первый — тот самый, что сейчас бросил огонь в Лею на подземной развилке. Другой был ниже и плотнее, лицо закрыто. Показалось, будто оба давно стояли рядом и только теперь позволили себя увидеть.

Первый атаковал сразу. Огонь, лёд, белые дуги молнии — всё полетело в сторону Сатору. Отец Марка шагнул вперёд и поднял прозрачный искрящийся щит. Удар расплескался по нему с таким звуком, будто в толстое стекло били металлическим ломом. Щит выдержал. Потом ещё один удар. И ещё.

Женщина выкрикнула чьё-то имя. Марк не расслышал. Она бросилась навстречу второму, подняла руки. На миг вокруг неё мелькнули тонкие белые линии, будто светящиеся края лепестков.

Второй ударил раньше. Женщина осела на камни так же внезапно, как тётя Валя у стены в коридоре.

Голос у Сатору сорвался. Всё быстрее, почти криком, он дочитывал страницу, и с листов Грима сходили буквы. Строки исчезали одна за другой, словно их стирали мокрой тряпкой. Книга дрожала. Даже когда страницы опустели, Сатору продолжал говорить, а за его спиной всё ярче разгорался круг.

Отец держал щит. Марк видел, как у него дрожат руки. Видел, как по прозрачной поверхности бегут трещины. Видел, как один удар огня не разбивается, а входит глубже, прожигает щит изнутри.

Огненная волна проломила защиту, ударила разом в отца и в Сатору. Обоих отбросило назад, в раскрытый круг. Сатору ещё успел оглянуться на Грима. Отец протянул к книге руку.

Круг схлопнулся. Пустой Грим упал на камни.

Снова резанул глаза огонь подземной развилки.

Сквозь гул пробился крик Леи.

— Марк! Не входите глубже! Не открывайтесь!

Марк не сразу понял, что Лея кричит ему. Похоже, она видела то, что сам он едва начинал чувствовать, — как его поле раскрывается навстречу чужому контуру.

— Назад! — крикнула она. — Закройтесь!

Марк не знал, как.

Передний в плаще шагнул ближе. Капюшон сдвинулся, и Марк успел увидеть нижнюю часть лица: тонкие губы, бледная кожа, тёмная полоса ожога или татуировки вдоль подбородка. В его ладони снова собрался огонь, но теперь меньше — плотнее, почти белый в центре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.